Глава 4. История отрасли и науки уголовного права

Рассматриваемые вопросы: Обоснование подхода. Проблемные ситуации. Источники истории уголовного права – уголовного законодательства. Источники истории уголовного права – уголовного законодательства. Уголовное законодательство Древнерусского государства - Киевской Руси. Уголовно-правовые аспекты в княжеских уставах, уставных и судных грамотах. Уголовное законодательство в Соборном Уложении 1649 г. Артикул воинский 1715 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Ус тав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. Уложение о наказа ния уголовных и исправительных в редакции 1866 г. Уложение о наказаниях 1885 г. Уголовное уложение 1903 г. Советское социалистическое уголовное право (уголовное законодательство России в период революционных потрясений). Уголовное законодательство СССР и России в период перестройки. Уголовное законодательство современной России

§ 1. Обоснование подхода

Интерес к прошлому (историзм) вообще и уголовного права в частности, это не только дань традиции, уважения к нему. Специфика истории состоит в том, что ее действительность развернута во времени. Непосредственно она предстает как прошлое человеческого общества. История науки, как и история человеческого общества, не существует сама по себе, но хотим мы этого или нет, лишь в ее современном освещении, в современной оценке. Ретроспективное освоение форм и реалий существования уголовного права открывает нам исторический характер его современного состояния. Переосмысление сущности исторической реальности[1], подход к действительности

[1] Член Французской академии Ф. Бродель (1902-1985) утверждал: «Историю постоянно нужно переписывать, она вечно находится в стадии становления и преодоления са-

как изменяющейся во времени, развивающейся - это принцип изучения всех сфер общества: экономической, социальной, политической, культурной и правовой, ибо «право есть так же явление культуры… именно через право воплощается главное, в чем выражается предназначение культуры»[1]. И тот, кто не знает во всей конкретности и многообразии прошлого страны (государства, права), заблуждается в оценке настоящего и слеп перед будущим. Не осмыслив информацию о прошлом как фундаменте настоящего, невозможно генерировать перспективные идеи реконструкции исторического процесса с целью улучшения, совершенствования будущего. Кажется, К.А. Тимирязев (1843-1920) как-то заметил, что многие факты и открытия наук древности блестят отраженным светом заимствованным от современности[2]. Это с полным основанием относится и к истории уголовного права.

Современность непрерывно вырастает из прошлого и, выполняя свою историческую миссию, сама уходит в прошлое. Задача историка как раз и заключается в том, чтобы снять эти временные искажения. Историческое время, в отличие от абстрактного календарного, служащего средством датирования или измерения длительности процессов, характеризуется содержательной определенностью, которая, применительно к праву, фундирована (основана) экономическим развитием того или иного государства.

Право возникает вместе с государством. Право появляется там и тогда, когда общество достигает определенного уровня развития. Оно - следствие роста материальной культуры, совершенствования орудий производства и вытекающего отсюда развития производственных отношений. В них лежат основные причины исторических перемен, которые совершаются медленно, незаметно для людей и помимо их воли.

мой себя» (цит. по: Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. В 5 т.: т. 2: Д - К., М., 1996. С. 651).

[1] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., «Статут», 1999. С. 224, 225.

[2] Цит. по: *Пятницын Б.Н.* Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., Наука. 1976. С.89.

Очевидно, что конкретные виды общественно опасных деяний возникли раньше, чем их уголовно-правовые запреты. Библейская заповедь «не убий, не укради» основывается на том факте, что убийство и кража были самыми древними видами общественно-опасных деяний, на недопустимость которых указывал этот религиозный памятник. Изначально уголовно-правовые запреты возникли из обычая кровной мести[1], сложившегося при родовом строе как универсальное средство защиты чести и имущества рода и были направлены на подчинение интересов индивида интересам общества, на ограничения агрессивного поведения, сохранения человеческого рода и выражались в требо ваниях: не убивай отца, детей и братьев; не вступай в половую связь с матерью, дочерьми и сестрами (инцест) и т.п. Право в целом, с момента его возникновения поначалу носило преимущественно уголовно-репрессивный характер. «Юридическое общение получает свою специфическую характеристику исторически прежде всего на фактах правонарушений. Понятие кражи определяется раньше, чем понятие собственности»[1]. Исторически уголовное право развивалось медленно, сохраняя такие формы самозащиты отдельных родов, семей и людей, как кровная месть, талион и система композиций. Но постепенно они вытеснялись мерами уголовного наказания.

Уголовное право (как и другие его отрасли) может быть как тормозом общественного развития, так и важнейшим инструментом (регулятором) прогрессивных экономических и социальных преобразований. В нем выражается политика государства, так как уголовно-правовые нормы издаются государством и его органы обеспечивают их выполнение.

Оборот «уголовное право» в русском языке многозначен: *отрасль права* (представляющая собой совокупность юридических норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, опасных для данной системы общественных отношений); *науки права* (сово купности правовых учений, концеп-

[1] Она состояла в обязанности родственников убитого отомстить убийце или его родным. В России дольше всего сохранялась у некоторых народов Кавказа и средней Азии; под названием вендетты - на островах Сардиния и Корсика еще в начале 20 в.

ций, школ, идей, взглядов); *законодательства* (набор запретов, выступающих в качестве «хирургического скальпеля» в руках государства и общества в сфере снятия социального дискомфорта; формы, источника уголовного права), наконец, *институт,* охватывающий все эти понятия.

И каждая из обозначенных ипостасей уголовного права ставит перед исследователем ряд вопросов: о правовой традиции, о правовой культуре, о том «откуда оно есть пошло», когда возникло и, кто у кого заимствовал те или иные правовые институты. Ответы на них значимы во многих отношениях. В частности, для недопущения научной тавтологии; выбора альтернативных возможностей в законотворческом процессе, сформированных с учетом всей полученной информации о содержании, смысле, целях того или иного уголов но-правового института, статьи, нормы, отдельного законодательного предпи сания; сбалансированности правоприменительной практики; повышения уро вня юридической науки, юридического образования, общего правового прос вещения и на этой основе расширения социальной базы и «рост числа подвижников, активных и искренних приверженцев идей права, непреклонных борцов за правовые идеалы и ценности»[2].

Архиважен потенциал знания истории уголовного права во всех отмеченных его проявлениях и в целях усиления учебно-методического, учебно-практического и правоприменительного использования настоящего труда. Эти знания, как говорят информатики, значительно повышая информационную емкость, обогащают интеллект как начинающих, так и маститных юристов. Они позволяют не только на отвлеченных, умозрительных, трудных для понимания мыслях, выражениях воспринимать программный материал, но на основе генезиса этого важнейшего элемента культуры человечества, способствуют формированию собственных мнений, позиций и убеждений будущего и настоящего юриста, об изучаемых уголовно-правовых образованиях.

---

[1] См.:*Пашуканис Е.Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства. М. 1980. С. 159.

[2] *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 704.

Проблемные ситуации. История уголовного права, как и история государства, крайне противоречива и в социальном и в интеллектуальном отношении. Обнаруживается полифония взглядов, подходов, позиций и оценок истории развития уголовного права во всех отмеченных выше проявлениях. Если оно описывается только как инструмент в руках власть предержащих для эксплуатации подвластных классом господствующих, а его история предстает исключительно кровавой, мы имеем дело *с классовым подходом*.

Другой подход – *взгляд на право как явление, получившее божественную легитимацию* (религиозно-правовые воззрения или клерикальная система права, которая получила дополнительный импульс в трудах В.С. Соловьева), оправдывавший репрессивные установления божественным авторитетом[1], что выглядело как непререкаемый аргумент. Мнение царя, как представителя Бога на земле (начало такому официальному пониманию было положено византийским Прохироном[2]), стало определяющим в развитии уголовно-пра вовой теории[3]. В странах, где победила Реформация, а затем и в некоторых католических странах в государственно-церковных взаимоотношениях установился принцип территориализма, суть которого заключается в полном го-

---

[1] Есть мнение, что древнейший памятник русского права - Русская Правда – была построена на Ветхом Завете // *Ключевский В.О.* Курс русской истории. В 9 т. Т.1. М., 1987. С. 218.

[2] Прохирон (от греч. prócheiros - находящийся под рукой), кодификация некоторых основных институтов византийского гражданского, уголовного и отчасти судебного и церковного права, осуществленная в 879 г. Не являясь официальным сводом законов, он служил обязательным руководством для судей.

[3] В соответствии с таким подходом стали караться не столько деяния (они могли быть прощены), сколько умысел: «И разве твой злобесный собачий умысел не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев» // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.С.122. «Символический» подход к уголовному праву породил правовой нигилизм (столь характерный и для сегодняшней России). Неслучайно весомым аргументом равноапостольного князя Владимира против смертной казни была ссылка на Библию: «греха боюсь». «Помощь» клириков, давших иное толкование священного писания, убедила князя впервые ввести на Руси наказание в виде смертной казни. «Гармоничность взаимоотношения» государственной и церковной власти в русской древности имела отступление от канонических норм не только во времена Ивана Грозного, но и при столкновении царя Алексея Михайловича с Патриархом Никоном. Особенно ярко правовой нигилизм проявился в православной России, где при обращении к чиновнику ссылались на «Бога ради».

сударственном суверенитете на соответствующей территории, в том числе и над находящимися в ней религиозными общинами. Девизом этой системы взаимоотношений стали слова *cujus region, illius est religio* (чья власть, того и религия).

Более человечной смотрится пришедшая на смену (вытекшая из недр клерикального символизма) система философских взглядов на общество, в том числе и на правовые установления, называемая *естественным правом*, связанная с мыслителями эпохи Просвещения[1]. Оно фундировано тремя источниками (системами идей) - божественным мировым порядком, именуемого в юриспруденции «космологическое естественное право», «антропологическое естественное право» и «рациональное естественное право»[2]. В определенном смысле порождением идеи естественного права являются поощрительные нормы, представленные институтом обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также деятельным раскаянием, добровольным отказом.

Под натиском юридического позитивизма[1], дискредитировавшее себя «естественное право» трансформировалось в «теорию справедливости». Аме риканский философ Д. Ролс считал, что справедливость должна сопрягаться с базовыми структурами общества (в числе которых определенное место занимает и уголовное право), эффективно конституирующими социальный порядок в целом. Основная цель ее адекватная реконструкция процедур распределения справедливости и благ в обществе: «то, что одни - в нужде, а другие в это время процветают, возможно, и полезно, но несправедливо; богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсиру-

---

[1] Историческая и философская наука 19 в. характеризовала Просвещение как эпоху безграничной веры в человеческий разум («век разума», «век философов»), в возможность перестроить общество на разумных основаниях, как эру крушения теологического догматизма, торжества науки над средневековой схоластикой и церковным мракобесием.

[2] В отличие от права по закону (позитивного, пусть даже Богом данного), совокупность норм, объединенных идеей «естественного права», греки называли «правом справедливым по природе»

ют потери наиболее незащищенных членов общества»[2]. Один из основателей *позитивно-нормативистской школы права* (иногда именуемой «венской школой» и «чистым учением о праве») Н. Кельзен, был одним из немногих, кто не признавал этот принцип. Рассматривая справедливость как сугубо «моральное качество», он не связывал с ней ту или иную правовую реальность. Для Кельзена всякий общественный правопорядок - это целесообразно «принудительный порядок»[3]. Он считал, что юридическая наука полностью должна отказаться от изучения права в его социально-экономической обусловленности, от политических, морально-нравственных, исторических и иных «метаюридических» целей и оценок права, а изучать его в «чистом» виде, только собственно правовую форму.

Заслуживает быть отмечен особо подход к истории развития уголовного права с позиций господствующего направления в доктрине уголовного права многих стран - *классической школы,*[4] начало которой положено книгой Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях». Эта школа пришла на смену теории естественного права во всех его модификациях. Она исповедует выкристаллизованную в недрах римского права норму-принцип: *"nullum crimen sine poena, nulla poena sine 1ege, nullum crimen sine poena legali "* (нет преступления, без наказания, нет наказания без закона, нет преступления без законно го наказания). Важнейшую роль в уголовном праве играет принцип "соответ-

---

[1] В наше время в юридическом позитивизме утверждаются идеи так называемого монистического подхода к праву, т.е. трактовка международного права и национальных правовых систем как структурных элементов единого правопорядка.

[2] По убеждению другого американского философа и социолога Д.Белла, автора таких работ, как «Новое американское право» (1995 г.), «Марксистский социализм в Соединенных Штатах» (1967 г.), модель Д. Ролса являет собой не что иное, как «грандиозную попытку» оправдать этику социализма

[3] *Kelsen H.* Was ist Gerichtigkeit? Wien, 1958; *Он же.* Reine Rechtslehre. Wien, 1960, цит. по: *Чернобель Г.Т.* Право как мера социального блага // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 89.

[4]Название "классическая", которое несколько иронически дали ей сторонники «антропологической" и "социологической" школ в уголовном праве в 70-80-х годах позапрошлого века, со временем стало достато чно серьезным определением, свидетельствующим об устойчивости принципов классической школы и о том, что ее сторонники не собираются отказываться от разработанных в рамках этой школы традиционных институтов уголовного права.

ствия наказания тяжести содеянного", то есть требование, чтобы за более тяж кое преступление назначалось более строгое наказание, а совершение менее тяжкого преступления влекло за собой смягчение наказания. Фундаментальными положениями классической школы являются: ограничение сферы уголовной репрессии лишь деяниями, поступками человека, а не его мыслями или убеждениями[1], отмена сословных привилегий (последнее положение трансформировалась в широко трактуемое требование равенства всех граждан перед законом). Уголовная ответственность лиц, виновных в совершении преступления, во всяком случае формально, должна определяться лишь тяже стью и доказанностью совершенного преступного деяния. Уважительно относясь к теории разделения властей, «классики» считали, что применительно к уголовному праву и процессу она означает следующее распределение функ ций ветвей власти. Законодательная власть регулирует общие начала и правила уголовной ответственности, устанавливает признаки отдельных видов преступлений и рамки, в пределах которых может быть назначено наказание за преступление определенного вида и тяжести. Исходя из законодательных предписаний и представленных доказательств обвинения, судебная власть, решает вопрос о виновности подсудимого и назначает предусмотренное зако ном наказание. В функции исполнительной власти входит расследование уго ловных дел, судебное преследование и исполнение наказания, назначенного судом. Сторонники классической школы видели свою задачу не столько в раз рушении институтов старой, феодальной юстиции, сколько в подготовке новых уголовных кодексов, основанных на новых гуманных и демократических принципах уголовного права.

---

[1] В этом видится влияние на сторонников классической школы кантовской философии категорического императива, состоящей из трех формул. В соответствии с ним И. Кант определял право как совокупность условий, при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого по общему для них правилу свободы. Первая из трех формул, получившей название «стандартной», или «формулы универсализации», гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом», «поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» //*Кант И.* Собр. соч. В 6 т. Т.4. Ч. 1. М., 1964. С. 260, 261.

Совершенно иной подход к эволюции уголовного права индуцируется последователями *исторической школы права,* теоретики которой (Г. Гуго, Ф. К. Савиньи, Г.Ф. Пухта) доказывали, что право – это не порождение случайной и произвольной воли суверена; оно возникает спонтанно из недр народно го духа, является неотъемлемой частью совокупной его культуры. Оно не появляется произвольно, в соответствии с желаниями отдельных индивидов или групп лиц, а рождается в процессе самостоятельного развития, через сти хийное формирование тех норм общения, которые в наибольшей степени соответствуют условиям жизни народа. Поэтому всякие заимствования на правовом поле и законодательстве должны быть исключены. Только позитивное, историческое право, которое, по мнению немецкого юриста О. Гирке (1841-1921), органически возникающее в недрах исторической "общности", способно удовлетворить потребности современной цивилизации, воплотить гражданские правовые идеалы. Тем самым всеобщий - "социальный" - характер германского права образец более высокоразвитого правового сознания[1]. Право фашистских государств (Италия 1922 г., Португалия 1926 г., Германия 1933 г., Испания 1936-39 гг.), отрицая традиционные либерально-демократи ческие принципы организации государственной власти, третируя политические и личные права и свободы, в то же время восприняло в себе многие положения социального законодательства. Если не считать ряда репрессивных норм, уголовное законодательство этих стран было вполне приемлемым с точки зрения демократического права (например, УК Италии 1930 г. действует с изменениями и поныне).

Можно было бы продолжить этот ряд замысловатых «кульбитов» исторического развития права, в том числе и уголовного, но как правильно резюмирует А.Э. Жалинский, его историческое развитие, «усложняя и деформируя потребности общества и власти, может быть представлено как противо-

[1] «Социальный» характер германского права не оградил человечество от коричневой чумы фашизма. Как, впрочем, юридическая наука трудами А.Я. Вышинского, возглавлявшего «правовой фронт», как наука социалистического уголовного права, «успешно»

речиво происходящая реализация потребности в социальном мире и комфорте, но одновременно и как узурпация властными структурами все большего объема прав и возможностей, независимо от воли подданных или граждан»[1].

Очевидно, по уголовному законодательству можно судить о сущности государств, в которых оно принято. На этом основании норвежский криминолог Н. Кристи предлагает уголовно-правовые системы государств оценивать по четырем важнейшим характеристикам: а) *виды преступлений,* против которых реагирует государство. Некоторые режимы карают граждан за поступки, которые в других странах не считаются преступлениями (например, за политическое или религиозное инакомыслие); б) *принципы принятия решений,* которых придерживается государственная власть, когда заходит речь о применении кары. В некоторых странах используются на допросах пытки или приравниваемые к ним методы воздействия, вынесение приговоров внесудебными органами при отсутствии независимой защиты и т. д.; в) *структурный состав осужденных*, насколько он репрезентативен для всего населе ния в отношении возраста, пола, расы, классовой принадлежности и т. д. Если обнаруживаются перекосы в сторону одной социальной категории, можно констатировать, что в системе есть серьезный изъян; г) *размер и форма наказаний*. Непомерно длительные сроки и особая жестокость наказаний свидетельствуют о значительных неполадках в устройстве государства[1].

Источники истории уголовного права – уголовного законодательства. В указанном смысле под источниками понимаются письменные памятники – летописи, документы, грамоты и, конечно, законы, нормативные и иные правовые акты, ушедшие в прошлое, - главные объекты изучения, на основе

использовались для обоснования и прикрытия неправовых методов государственной политики - сталинских репрессий.

[1]*Жалинский А.Э.* О понимании уголовного права // Право и политика.2006. № 5; Среди других по этой проблематике см. так же: *Сергеевский Н.В.* Русское уголовное право. Часть общая. Петроград, 1915; *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003; *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998; Философия уголовного права. Сост. под ред. и вступ. статья Ю.В. Голика. СПб., 2004.

которых строятся научные исследования истории уголовного законодательства. По сущности, «это то, в чем выражено уголовное право и формы, в которых оно объективно представлено» исследователю[2]. Важнейшие из послед них – несколько редакций Русской Правды; княжеские уставы и уставные грамоты, Судные грамоты; Судебники Ивана III и Ивана IV; акты Земских соборов конца XVI – начала XVII вв., центральное место среди которых занимает Соборное Уложение 1649 г.; Артикул воинский 1715 г.; Устав благочиния и полицейский 1782 г.; Указ о подметных письмах 1726 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г. и др.

Перечисление хотя бы основной массы законодательного материала займет много места, если иметь в виду, что Полное собрание законов Российской империи, выпущенное в XIX веке, составило полсотни солидных фолиантов. Уместно отметить, и сегодня они в значительной мере доступны любознательному читателю благодаря изданию многотомного сборника серии «Памятники русского права», организованного профессором С.В. Юшковым (1888-1952) (вып. первый 1952 г.). Широкой известностью пользуется и 9-ти томное издание «Российское законодательство X-XX веков», вышедшее массовым тиражом (1984-1994) под общей редакцией профессора О.И. Чистякова. Тексты законов в нем даются по первоисточнику или по лучшим научным изданиям, ставшим в источниковедении каноном; приводятся различные редакции одного и того же закона; текстологический и тесно связанный с ним историко-правовой комментарий сопровождает каждую статью или группу статей закона. При этом важно иметь в виду, что понятия, фигу-

---

[1] См.: *Кристи Нильс.* Удобное количество преступлений. Пер.с англ. Е. Матерновской; общ. ред. и вступ. ст. Я.С. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2006. С. 142, 143.

[2] Опираясь на научную фантазию, А.Э. Жалинский полагает: «Как предметно выраженные явления, созданные разумом человека, источники уголовного права представляют собой артефакты. Они существуют в том виде, в каком они созданы». (Артефакт от лат. *arte faktum* - искусственно сделанное – *Л.С.*), см.: *Жалинский А.Э.* О системе источников уголовного права / Право и государство: теория и практика. 2006. № 8(20). С.105; *Бобылева А.И.* Источники (формы) права // Право и государство: теория и практика. 2005. № 1; *Марченко М.Н.* Источники права: Уч. пособие. М.: Проспект, 2005.

рировавшие в древних текстах, очень сильно отличаются от понятий, с которыми мы имеем дело в настоящее время, независимо от того даже, обозначаются ли они одним и тем же термином или нет.

Источники для изучения истории уголовного законодательства советского и постсоветского периода многочисленны и многообразны. Это, в частности, «Собрание узаконений», «Собрание законов», «Ведомости Верховно го Совета СССР», «Собрание законодательства Российской Федерации». Зна чительной информативностью обладают опубликованные в свое время проек ты уголовных кодексов, начиная с проектов 1920-1921, 1925, 1928, 1930, 1934, 1937 гг., а также проекты УК СССР 1938, 1947, 1949-1957 гг. и УК РСФСР 1960 г. и 1992 г. Это касается и проектов Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. и Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а также Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. и действующего Уголовного кодекса РФ.

Источниками для изучения истории развития уголовного законодательства служат также труды ученых-криминалистов, библиография которых регулярно издается[1]. Сюда следует добавить и работы по таким отраслям юридической науки как криминология, пенитенциария, уголовная (правовая) статистика, которые формировались в тесной связи с наукой уголовного права и практикой реализации уголовного законодательства. В известной мере они показывают эффективность уголовного закона в противостоянии преступности.

§2. Периодизация истории российского уголовного законодательства

Вопрос деления исторического развития российского уголовного законодательства, как и законодательства в целом, на периоды не бесспорный, и

[1] См., например, Уголовное право. Библиография (1985-2003 гг.) / Отв. ред. *А.Э. Жалинский.* М., 2004. Сборник содержит указание на более чем 4,5 тыс. работ отечественных ученых и практиков.

имеет вкусовой характер. Ясно одно: периодизация истории российского уголовного законодательства фундирована подходом к периодизации российского общества в целом. Однако единого взгляда и в отношении исторического развития государства Российского также нет. Это касается как науковедческого (историографического)[1], так и учебно-методического аспектов.

В фундаментальном энциклопедическом издании в содержании раздела «История» выделяется: Древнерусское государство; Русские земли в период раздробленности; Русское государство (15-16 века; Смутное время: 1613-1689); Государства и народы восточной Европы, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа в 13-17 веках; от царства к империи; Российская империя (1725-1762; 1762-1796; 1796-1801; 19 век; начало 20 века); Россия в период революционных потрясений; СССР и Россия в период перестройки; Российская Федерация[2].

Неоднозначен подход в этом вопросе и в учебной литературе. Так, профессор А.В. Наумов следует более укрупненной периодизации российского уголовного законодательства, выделяя досоветский, советский и постсоветский периоды[3].

Мы будем следовать подходу, заложенному в издании упоминаемого выше «Российского законодательства X-XX веков», тома которого строятся по хронологическому принципу. Каждый из них включает в себя документы одного - двух исторических периодов в соответствии с периодизацией, принятой в советской историко-правовой науке[4].

---

[1]Концептуальная модель всемирной истории как единого всемирно-исторического процесса и ее периодизация (Древний мир – Средние века – Новое время) унифицирует изучаемые общества. По мнению В.Н. Фурса, такая универсализация неправомерна, поскольку «реальный исторический материал свидетельствует в пользу уникальности и открывает историю как многообразие типов исторического развития» / Цит. по: Новейший философский словарь: 3-е изд. Мн., 2003. С.451.

[2] См.: Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. «Россия». М., 2004. С. 6.

[3] Российское уголовное право Общая часть / Под ред. А.В. Наумова. М., 1994. С. 22; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 60; его же, Уголовное право. Курс лекций в 2 т. Т.1 Общая часть М., 2006. С. 60.

[4] Марксизм видел исторический процесс как прогрессивное движение и смену общественно-исторических формаций, представляющих собой особую ступень в его развитии, «...общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с

Д. Белл предложил подход, близкий к марксистскому, в основе которого так называемый «осевой принцип»[1]. Суть его заключается в том, что различные типы общества развиваются в контексте определенной стержневой линии, обуславливающей социальный, экономический, культурный и политиче ский облик их осмысления. В зависимости от выбора основной оси, согласно Беллу, исторический процесс можно, например, рассматривать как смену форм собственности и соответствующих им общественные формации. И тогда правомерна его интерпретация в терминах «феодализм», «капитализм», «социализм». Если же вместо данного измерения использовать иной «осевой принцип», где «главная стержневая линия» - статус и историческая роль человеческих знаний, то социальная эволюция выглядит совершенно иначе: доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество.

Уголовное законодательство Древнерусского государства - Киевской Руси. Образование Древнерусского государства (9 – 10 вв.) представляло собой сложный процесс взаимодействия внутренних (общественная эволюция местных, прежде всего восточно-славянских племен) и внешних факторов (активное проникновение в Восточную Европу военно-торговых дружин варягов - выходцев из Скандинавии). Роль последних в строительстве древнерусской государственности является основой т.н. норманнской теории, сфор мулированной немецкими учёными, во 2-й четверти 18 в., Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и др.). Согласно данной теории норманны (варяги) считались основателями государства в Древней Руси (в этом могут просматриваться истоки принадлежности правовой системы России к континентальному (романо-германскому) праву). Политическое звучание норманнской теории заключал

своеобразным отличительным характером» (см. *Маркс К. и Энгельс Ф.,* Соч., 2 изд., т. 6, с. 442). Сегодня многие ученые критически, а то и вовсе негативно оценивают это фундаментальное понятие. Британский историк А. *Тойнби* (1889-1975) считал подлинным объектом исторического изучения «цивилизации» - общности, большие в пространственно-временном плане, чем нации, и меньшие, чем все человечество. Наряду с первичными цивилизациями, возникшими из первобытных обществ, Тойнби выделяет цивилизации второго, третьего и последующих поколений (более 25). П. А. Сорокин (1889-1968) предлагает выделять в истории «суперсистемы», в основе которых лежит тот или иной господствующий тип мировоззрения.

[1] Цит. по: Новейший философский словарь. С. 84

ось в том, чтобы представить Древнюю Русь отсталой страной, неспособной к самостоятельному государственному творчеству, а норманнов - силой, кото рая с самого начала русской истории влияла на развитие России, её экономику и культуру. Верно говорят: нет пророка в своем отечестве; свой не может быть беспристрастным, а для чужого незазорно быть «не помнящим родства».

Юридическая мысль этого периода развивалась под влиянием трех факторов. Во-первых, из представлений о правопорядке и судопроизводстве, восходивших к древнеславянскому раннему (варварскому) обществу 8 - 9 вв., где преобладал родовой и соседский коллектив. Существовавшие на Руси в устной традиции, они нашли отражение в договорах с Византийской империей, летописях, других памятниках[1]. Следующим важным фактором стал процесс формирования княжеской власти и перенесения на княжеский двор судопроизводства (10 в.), которое велось особыми чиновниками, собиравшими штрафы (виры и продажи). Третий фактор - общеевропейская христианская традиция (византийское церковное право), которая внедрялась на Руси в конце 10 в. греко-язычными византийскими иерархами - митрополитами и епископами. После официальной христианизации (начавшейся с крещения в конце 980-х гг. князя Владимира Святославича, его окружения и массового крещения киевлян), установилось разделение юрисдикции между светской и церковной судебной властью[2].

Исследователи отмечают, что Древнерусское государство и его исторические преемники имели уже достаточно развитую правовую систему, отражавшую высокий для своего времени уровень развития древнерусского общества[3].

---

[1] См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь Сказания, Былины. Летописи, М., 1963; Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. Собр. *М. Забелиным.* М., 1989.

[2] См.: Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. «Россия». М., 2004. С. 605..

[3] Российское законодательство X-XX веков. Т.1 Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 23.

Исторически уголовное право в форме нормативных установлений, пред писаний развивалось медленно, сохраняя такие способы самозащиты отдельных родов, семей и людей, как кровная месть, талион и система композиций (композиция - от лат. *com position* - улажение спора - возмещения вреда за причиненный ущерб). Принцип «око за око, зуб за зуб» господствовал в древ нем праве, и Русь в этом отношении исключением не была. Преступнику наносили те же увечья, какие он нанес своей жертве. Но постепенно они вытеснялись мерами уголовного наказания.

Важнейшим законодательным памятником этого периода и эпохи феодальной раздробленности являлась *Русская Правда (9 – 13 вв.)*- официальный акт светской власти. Она включала в себя нормы различных отраслей права, и в первую очередь уголовного (с них она начинается) и процессуального (разделение на уголовный и гражданский процесс незаметно). В известном смысле, этот памятник явился первой кодификацией уголовного законодате льства (наказание за убийство, оскорбление действием, преступления против собственности). Хотя уголовно-правовые нормы встречаются еще раньше – в X в., в Уставе князя Владимира[1].

Русская Правда дошла до нас в списках 13-18 вв. (по некоторым сведениям их более сотни)[2] в 3 редакциях - краткой, пространной и сокращённой. Списки Русской Правды входят в состав Кормчих книг (сводах церковных правил), «Мерила праведного»(пособие для судей), юридических сборников и летописей. В основе Русской Правды лежали обычное право, княжеское законодательство (уставы, грамоты), судебная практика. О существовании в Древней Руси достаточно дифференцированного обычного права[3] («закона

---

[1] Американский исследователь Д. Кайзер считает, что в Древней Руси вообще не было уголовного права //*Kaiser D.*The Irowth of Laf in MedievaL Russie. Princeton University Press, 1980.

[2] Списки – воспроизведенный от руки текст, рукописная копия.

[3]*Обычное право* - совокупность стихийно сложившихся в догосударственном обществе неписаных норм - обычаев (правил поведения), санкционированных государственной властью. Преобразуясь в систему обычного права, правила, сложившиеся в родовом обществе, значительно изменялись. Так, если при родов ом строе ответственность за убийство члена общества была равной для всех, то с созданием обычного права такая ответст-

русского»)[1] известно уже по договорам с Византией 1-й половины X в.[2] Владимир Святославович пытался внести в местное право некоторые византийс кие нормы, в частности смертную казнь, но они не прижились.

Адепты норманнской теории (*А. Шлецер* (1735-1809) и др.), ссылаясь на сходство постановлений Правды с нормами датского и шведского права, заключали, что ее содержание заимствовано из северных законов, принесенных к нам варягами. Но его ученик, немецкий юрист-историк И. Эверс доказал, что сборники скандинавского права моложе Русской Правды и, стало быть, не могли служить источниками последней.

Краткая редакция Русской правды - «Древнейшая Правда», связанная с именем Ярослава Мудрого, отразила древнерусские общественные отношения 11-13 вв. Она включала в себя наряду с нормами феодального права и нормы, восходящие к периоду первобытнообщинного строя.

Русская Правда не выделяет общие положения уголовного права. Нет в ней определения понятия «преступление» – *обиды*[3].

Ретроспективный взгляд позволяет констатировать, что субъектом пре тупления мог быть любой человек, кроме холопа, по правовому положению

венность дифференцировалась в зависимости от социального и сословного положения убитого.

[1] Упоминание о «законе русском» встречается и в договоре Олега с греками 911 года. Но как отмечают исследователи, вряд ли в указанных случаях можно слово «закон» понимать в прямом, современном смысле. Не только какого-либо писанного закона, тем более уголовного, но даже и упоминания о каком-нибудь конкретном законе до X века не обнаруживается /Российское законодательство X-XX веков. Т. 1 Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 19; Памятники русского права. Вып. первый. / Под ред. *С.В. Юшкова.* М., 1952.. С. 7.

[2] Русско-Византийские договоры (907, 911, 945, 971 гг.) устанавливали в ряде статей наказания «по закону греческому и по уставу и закону русскому». Большая часть этих договоров посвящена уголовному праву. Они допускают внесудебную месть, предусматривают денежное взыскание по «закону русскому» за удар мечом или каким-либо иным предметом, говорят об имущественных преступлениях, караемых по законам договаривающихся стран, различают кражу и разбой

[3]Термин преступление впервые на Руси встречается в летописных рассказах XIV в. Круг преступных деяний регламентировался далеко не сразу, а постепенно, совпадая первоначально со сферой гражданских правонарушений. Основанием установления уголовно-правового запрета, являлась серьезность нарушения интересов правящих классов и государства, а также значительность вреда.

приближавшегося к рабу[1]. За его действия отвечал господин: оскорбление свободных, кражу и т.д.; господин мог неограниченно распоряжаться личностью холопа: убить, продать, отдать за долги и пр. С другой стороны, на холо па распространяется обычай мести (*а за тым, где его налезуть* (здесь – встре тить, найти) *удареныи тои мужь, да бьют его* – ст. 17). Из этого можно допу стить признание его субъектом права.

Не известны Русской Правде возрастные ограничения уголовной ответственности и институт вменяемости.

Не выделяется и понятие вины, но некоторые ее признаки обнаруживаются. В частности, ст. 6 Пространной редакции Русской Правды вводит свой принцип степени ответственности, основанный не на понимании умышленного и неумышленного убийства, а на том, было ли это убийство совершено открыто, в честной ли схватке, во время ли *свады* (ссоры) на пиру, когда требования к поведению его участников были более снисходительны, или тайно, при совершении злого дела, убийство, не носящее низменного характера от убийства при разбое как более тяжкого преступления. В ст. 19 (*а по костех и по мертвецки не платить виры, аже имене не ведають, ни знают его*), косвенно вводится норма давности совершенного убийства, не подлежа щего наказанию. Четко просматриваются основы института индивидуализации ответственности и наказания.

Ее нормы строились по казуальной системе и, как правило, соответствующие статьи начинались словами *аже, аще, но* и т.д., а наказание за обиду осуществлялось в соответствие с установленными правилами. Преследование обидчика предоставлялось на усмотрение потерпевшего или его близких родичей. Предусматривались преступления, которые преследовались не потерпевшим, а общиной в целом. В качестве наказания предусматривались: месть, поток и разграбление (уничтожение хозяйства и продажа в рабство

[1]Убийство холопа можно рассматривать как убийство и как истребление чужого имущества. Русская Правда открывается статьей, устанавливающей месть за убийство; но это месть не по приговору суда, а по инициативе потерпевших. Вора можно убить на месте преступления, если его не удастся связать или удержать до света.

преступника с его семьей) и система выкупов. Смертная казнь применялась без суда в порядке расправы веча (народное собрание, сход с целью совещания) или князя над своими противниками.

Правда Ярославичей увеличивала ответственность общины за убийства княжеских дружинников, тиунов (церковные люди, состоявших на службе у светских архиерейских чиновников), старост, отроков и других слуг, совершённые на её территории; предусматривала тяжёлые наказания за поджоги хозяйственных построек, намеренную порчу скота, за коллективные посягательства на имущество зажиточных людей. Сужается сфера применения кров ной мести и ограничивается круг мстителей ближайшими родственниками убитого. При отсутствии мстителей убийца принуждается к уплате штрафа (виры) князю и частного вознаграждения (головничества) родственникам убитого. Свободные общинники, связанные круговой порукой, должны были оказывать помощь убийце в уплате виры. За убийство женщины выплачивался половинный штраф (полувирье). Русская Правда защищала здоровье и честь свободных представителей феодального общества, предусматривала денежные возмещения за увечья и оскорбления действием. Выделяется три вида членовредительства: травма руки, ноги и пальца[1].

Отнятие руки или лишение возможности ею пользоваться рассматривалось наравне с лишением жизни: за это преступление полагалась плата в 40 гривен, равна штрафу за убийство. Особо выделяется оскорбление, выражав шееся в повреждении бороды и усов. Оскорбление чести свободного члена общины приравнивалось к членовредительству, убийство без оправдывающих обстоятельств или членовредительство карались значительным штрафом в пользу родственников погибшего или потерпевшего, а в отдельных случаях – продажей преступника в рабство. Детально разрабатывалась система наказаний за кражу в городе и сельской местности, кражи или намеренную порчу бортных и охотничьих угодий, нарушение границ земельных владений и т.д.

[1] Отрезание частей тела имело еще и тот смысл, что позволяло безошибочно узнать бывшего преступника.

Нормы Русской Правды, действовавшие до конца 15 в. (до введения Судебника 1497), легли в основу Псковской и Новгородской судных грамот, а также украинского, белорусского и литовского права.

Уголовно-правовые аспекты в княжеских уставах, уставных и судных грамотах. Княжеские уставы – важнейшие памятники, документы административной деятельности государственной власти в период феодальной раздробленности русских земель в XII-XIV вв. Наиболее известны *княжеские церковные уставы.* Например, Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных, Устав князя Ярослава о церковных судах (каждый в нескольких редакциях). Наряду с материальным обеспечением цер кви они устанавливали пределы церковной юрисдикции и нормы церковного права Древнерусского государства. В последнем, перечисляются деяния, отнесенные непосредственно к церковной юрисдикции, в том числе и те которые вообще не преследовались ранее княжеской властью. В.О. Ключевский оценивал его как «свод постановлений о греховно-преступных деяниях, суд по которым над всеми христианами, духовными и мирянами, был поручен русской церковной власти»[1]. В нем своеобразно сочетались основные идеи христианского права с не противоречившими им традиционными нормами за щиты членов общины, охраны их жизни и достоинства. Отношения между полами и брачно-семейные отношения рассматриваются преимущественно с уголовно-правовых позиций. Санкция за *умычку* чьей-либо дочери содержит сразу два, а порой и три вида ответственности – уголовную, гражданско-пра вовую перед потерпевшей и собственно церковно-правовую; родители несли перед общиной материальную ответственность за невыдачу замуж дочери или за посягательство на свою жизнь детей, насильственно удерживаемых от брака или выдаваемых замуж и пр. Выделяется комплекс статей, запрещающих лицам разных вероисповеданий вступать в половые отношения или участвовать в совместной трапезе, о поджоге гумна или двора, о краже конопли,

[1] Цит. по: Российское законодательство…. Т. 1 Законодательство Древней Руси. С. 164.

льна, белых полотен, портов и т.п. Симптоматично, карая непреступные с точки зрения обычаев русского народа деяния, церковь применяла имущественные наказания, а не членовредительские и тем более, смертную казнь, принятые в Византии. В этом усматривается стремление церкви учитывать национальные особенности, русскую действительность.

Грамоты (от греч. *grammata* – письмо, послание), деловые документы, *акты* и письма как официального, так и частного происхождения. Термин за имствован из Византии, где обозначал послания, указы, письменные докумен ты вообще[1]. На Руси известны с 10 в. Различают грамоты: на землю (данные, купчие, меновые и др., известные с 12 в.); на крестьян (порядные, поступные и др. в 16-18 вв.); на холопов (полные, служилые кабалы и др. в 15-17 вв.) и др. Часть грамот совпадает с актами внутреннего управления (уставные наместничьи, губные, земские, таможенные и др.).

Уставная грамота – документ, устанавливающий повинности феодально-зависимо го населения, а применительно к церковным грамотам, закрепляющий взаимоотношения светской и церковной властей в связи с конкретным случаем в определенном княжестве, на определенное время. Юридическими источниками уставных грамот чаще всего являлись отдельные статьи Русской Правды. Они определяли порядок местного управления, суда, сбора пошлин. Иногда в уставных грамотах содержались немногочисленные нормы материального уголовного права, но лишь в связи их с правами наместника на уголовный суд и пошлины. Наиболее характерной для данного периода яв ляется Двинская 1397-1398 гг. уставная грамота, отразившая законодательство Русского централизованного государства. Она явилась первым в истории русского права документом, законодательно закрепившим применение смерт ной казни. Русская Правда еще не предусматривала эту меру наказания, пред писываемую непосредственно приговором суда. Двинская уставная грамота

[1] Изучение актов – предмет дипломатики- специальной исторической дисциплины, изучающей происхождение, форму и содержание, функционирование, историю воспроизведения текста и архивную судьбу документов правового характера / См.: *Каштанов С. М.* Очерк русской дипломатики. М., 1970; *его же,* Русская дипломатика. М., 1988 (библ).

впервые устанавливает повышенную ответственность за такие виды множественности преступлений как рецидив - повторное и многократное их совершение (ст.5). Она ограничивает самосуд, устанавливая ответственность за соглашение между потерпевшим и преступником, при котором первому достается сумма штрафа, причитающаяся наместнику. Осуществление судебных функция, в том числе по уголовным делам, было важной сферой деятельности наместников и источником их дохода.

Особую группу грамот составляют так называемые *судные грамоты,* представляющие собой судебные кодексы феодальных республик. Они содержат, главным образом, правила суда по делам уголовным и гражданским. Встречающиеся в них постановления по отношению к другим отраслям управления крайне редки и кратки. Незначительные и краткие вначале (в первые времена удельного периода), судные грамоты постепенно дополнялись и уже около половины XV в. являются в весьма подробно развитых формах. Наиболее известными и развитыми по содержанию, как бы образцами всех других, считаются Новгородская и Псковская Судные грамоты XIII-XV веков. Они отличаются только некоторыми особенностями порядка судопроизводства. *В Псковской Судной грамоте,* сохранившейся в двух списках, уголовное законодательств получило свое дальнейшее развитие. В её заголовке (преамбуле) дается перечень источников, на основании которых она составлена - княжеские грамоты, устав и нормы обычного права (псковские пошлины). Статьи зачастую излагают казус в виде прямой речи, что свидетельствует о неразвитости юридической техники.

Преступным считалось не только посягательство на личность и собственность, но и на интересы государства (например, *«перевет»* - измена, пере ход на сторону врага), некоторые преступления против суда. За политические и уголовные (поджог, крамская кража, конокрадство) преступления полагалась смертная казнь[1]. Однако наиболее распространенным наказанием по-

[1] Впервые наказание в виде смертной казни (*живота не дати)* в российском праве было закреплено в ст. 5 Двинской уставной грамоте (1397 г.). В ней же идет речь о «пя-

прежнему оставался денежный штраф - *продажа.* Но в отличие от Русской Правды, Псковская Судная грамота не устанавливала никакой ее дифференциации в зависимости от социальной принадлежности потерпевшего. Кроме *продажи,* поступавшей в пользу князя, виновный должен быль уплатить денежное вознаграждение потерпевшему или родственникам.

Субъектами преступления могли быть все свободные, хотя бы и феодально-зависимые люди. В статье о краже на посаде дается определение рецидива, которое характеризуется как троекратное совершение преступного деяния. Вор-рецидивист приравнивался к кромскому вору.

В грамоте нет конкретного вида смертной казни. Летописи говорят о том, что Псков знал смертную казнь через повешение, сожжение, утопление.

Псковской Судной грамотой запрещается самоуправство истца, приехавшего вместе с приставом и пожелавшего взять что-либо силой из имущества ответчика за долги. В случае, если истец проиграет дело (*не утяжет своего истца*), то он обвиняется в грабеже и несет соответствующее наказание (*ино бытии ему у грабежу, а грабеж судить рублем*). Различаются виновное и невиновное причинение вреда. Интересный казус, в котором можно усмотреть непреступное причинение вреда, излагается в ст. 98. Она не ставит в вину истцу, который приехал с приставом *татя…или должника иметь*, слу чившийся у жены *татя* выкидыш.

В отличие от Русской Правды, грамота позволяла решать всякие дела, как уголовные, так и гражданские, поединком. В ст. 107 устанавливалось, если кредитор отрицает факт получения залога, данного в обеспечение договора займа, то в этом случае залогодатель предоставлял кредитору, к которому предъявлялся иск о возвращении залога в обмен на данные кредитором в ссу ду деньги, выбрать подходящий вариант: или присягнуть в том, что не брал

тании» любого татя, чем закладывалась основа позднейшего института клеймения преступников; ст.6 ограничивает самосуд, устанавливая штраф за поимку кого-либо с поличным и отпуск виновного за «посул» // *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Вып.1. Ярославль. 1872. С. 200.

залога, или положить у креста цену иска и представить возможность присягнуть истцу, или состязаться с истцом в поединке[1].

Новгородская Судная грамота имеет заголовок *О суде и закладе на наездщика и на грабещики* (т.е. о суде и наказании за нападения и грабежи) и содержит в основном нормы, относящиеся к судопроизводству.

Ст. 6, 42 запрещает *наводки наводить* т.е. побуждать толпу к нападению на суд либо на противную сторону и устанавливает наказания за эти действия, совершенные против посадника, или тысяцкого, или владычного наместника, а также других судей и докладчиков, в виде штрафа, размер которого дифференцируется в зависимости от сословного положения виновного; потерпевшему возмещаются убытки.

Резюмируя отметим, что в анализируемых актах - княжеских уставах, уставных и судных грамотах происходила дальнейшая письменная фиксация уголовно-правовых норм, ранее сохранявшихся в устной форме. Постепенное преодоление раздробленности русских земель, возвышение Московского великого княжества, образование и развитие Русского государства (14-17вв.) способствовали появлению новых юридических принципов и идей, в частности заимствованных из византийского законодательства. Развитие юридической мысли нашло отражение в «Правиле о церковных людях» (14 в.), в «Пра восудии митрополичьем» (15 в.), Стоглаве 1551 г., межкняжеских договорах, летописных свидетельствах, переводах с греческого языка светских кодексов - сборников Новелл, Закона Моисеева, Эклоги, Прохирона (Закона градского), в соборных и отеческих правилах (церковных установлениях), Кормчих (сводах церковных правил).

Уголовно-правовые нормы в Судебниках 1497 и 1550 гг. Преодолению феодальной раздробленности, образованию и укреплению Русского централизованного государства, закреплению распространенности юрисдикции ве-

[1] В судебном поединке, в отличие от поединка в делах чести (дуэли), шла речь о виновности сомнительной, доказательство которой приходилось предоставить суду. Побежденная на поединке сторона приговаривалась к уплате иска и судных и полевых пошлин.

ликого князя на всю его территорию, способствовало окончательное объединение местных норм в общероссийских Судебниках. Крупнейшими из них были Судебник 1497 года (дошедший до нас единственным известным списком) великого князя Ивана III и Судебник 1550 года царя Ивана IV (дошел до нас более чем в 40 списках). Историк-юрист Н.В. Калачов (1819-1885) высоко оценивая Судебник 1497 года, видел в нем «кодекс в высшей степени примечательный, как памятник, основанный на прочном утверждении самоде ржавия в нашем обществе, как краеугольный камень всего последующего развития письменного законодательства»[1]. Своим источником они имели как современное право, так и древнее, начиная с Русской Правды. В процессе ко дификационной работы по созданию Судебников из них отбирались те акты, которые соответствовали политике великих князей.

Оба Судебника имели уже определенную систему норм, в частности выделялись нормы о суде центральном (ст.ст. 1-36 Судебника 1497 года и 1-61 Судебника 1550 года), из которых часть относится к уголовному законодательству. Большинство статей Судебника 1497 года (их 68) имеют заглавия. Судебник 1550 года представляет новый шаг в развитии юридической техники того времени. Он состоит из глав и статей (их 100), последние большей частью сгруппированы.

Уголовное законодательство в них претерпело существенные изменения, нашедшие отражение и в терминологии. Если по Русской Правде преступление – *обида,* то есть деяния, которые наносили непосредственный ущерб кон кретному человеку и его имуществу, теперь – это *лихое дело*, под которым по нимаются всякие действия так или иначе угрожающие государству или власть предержащим в целом и поэтому запрещаются законом. Кроме того, вводится *понятие ведомого лихого человека.* Лихим человеком мог быть признан любой сочувствовавший требованиям закабаленного народа, хотя и не совершивший никакого конкретного деяния.

---

[1] См.: *Калачов Н.В.* О Судебнике царя Иоанна Васильевича. – В кн.: Юридические записки, изд. П. Редкиным. Т. I. М., 1841. С. 52, 55.

По Судебнику 1497 года холоп мог быть субъектом преступления и самостоятельно нести ответственность. Наряду с преступлениями против личности и имущественными, он выделял уже и государственные преступления. К государственным преступлениям была отнесена *крамола* (например, отъезд боярина от великого князя к другому князю) и *подым* (т. е. призыв к восстанию). Причем крамольник, покушавшийся на государственный строй или особу государя, мог быть наказан даже за голый умысел. К имущественным преступлениям Судебник относил разбой, *татьбу* (кражу), истребление и повреждение чужого имущества, а к преступлениям против личности - убийство (*душегубство*), оскорбление действием и словом. Он расширил круг де яний, признававшихся уголовно наказуемыми, например, упомянутая крамола, «*церковная татьба*» (святотатство), другие виды квалифицированной кра жи, *ябедничество* - ложный донос, злостная клевета, имевшая целью обвинить невиновного.

Изменяются цели, а с ними и система наказаний. Если в *вире и продаже* князья видели одну из доходных статей, существенно пополнявших казну, то Судебники стремятся к тому, чтобы наказание устрашало как самого пресс тупника, так и главным образом других людей. Имущественным наказаниям предпочитаются новые - смертная и «торговая» казнь[1], имевшие на практике самые разнообразные формы – повешение, отсечение головы, утопление и др. Если в первом Судебнике смертная казнь упоминается лишь в шести статьях, то в Судебнике 1550 года в три раза чаще. Практика знала и такие виды наказаний, как лишение свободы, в том числе пожизненно (*кинути в тюрьму до смерти*), членовредительство (ослепление, отрезание языка), другие телесные наказания[2].

---

[1] Для усиления воспитательного воздействия наказание кнутом рукою палача проводилось, как правило, на торгах, на площади или у присутственных мест, вообще в местах скопления народа. Это публичное действо и называлось т*орговой казнью.*

[2] См.: *Штамм СИ.* Судебник 1497 года. М., 1955. С. 51, 56.

Судебник 1550 года выделяет новые, особо опасные виды преступлений, непосредственно направленные против основ государственности и интересов господствующего класса. Вводятся два новых состава – сдача города неприятелю и *подмет* – прокламация, которую подбрасывают (*подметывают*) для возбуждения народа против власти и ее представителей. Увеличивается так же количество преступлений должностных, против порядка управления и суда, за которые впервые для русского законодательства вводится новый вид на казания - увольнение от должности с запретом занимать такую должность и в дальнейшем. Так, в ст. 3 просматривается состав должностного преступления, а именно – вынесение неправильного решения в результате получения взятки. В этом случае судьи несут материальную и уголовную ответственность. А в ст. 6 предусматривается ответственность за ложное обвинение судей в умышленном неправосудии. Жалобщик, совершивший фактически ябе дничество, наказывался *сверх вины* (т.е. помимо вынесенного ему приговором наказания) дополнительно битьем кнутом и тюремным заключением. Помимо лжесвидетельства, караемого торговой казнью, вводится неизвестное первому Судебнику преступление – *подписка,* т.е. подлог судебных актов (ст. ст. 4, 5). Новеллой является установление ответственности должностных лиц за превышение установленных пошлин. Судьи и дьяки, изобличенные в этом деянии, могли быть подвергнуты телесному наказанию, сопровождавше муся бесчестьем. Есть сведения, что виновному привязывали к шее кошелек, серебро, мягкую рухлядь, жемчуг, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую им в подарок[1]. За ложное обвинение должностных лиц в произвольном увеличении пошлины предписывается *жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму* (ст. 6).

В Судебнике впервые был предусмотрен состав мошенничества, который отпочковался от кражи, а грабеж отграничивался от разбоя, который рас сматривался как хищение, сопряженное с насилием.

---

[1] См.: Российское законодательство… Т. 1 Законодательство Древней Руси. С 133.

Важной новеллой явилось и то, что в нем впервые в русском законодательстве вводится положение о том, что закон обратной силы не имеет, определяется порядок издания и опубликования новых законов и обязательность вершения всех дел, за исключением дел церковной подсудности, по Судебнику.

Итог развитию русского права и юриспруденции в 14-17 вв. подвело Соборное Уложение 1649 г., утвержденное на Земском соборе с широким представительством от городов и уездов и опубликованное для всеобщего ознакомления. Уголовное законодательство этого периода развивается как общероссийское.

Уголовное законодательство в Соборном Уложении 1649 года. Источниками указанного акта, который принято называть Уложением царя Алексея Михайловича (получившего прозвище «Тишайший»: он не был активным и самостоятельным государем), были Судебник 1550, указные книги Поместно го, Земского, Разбойного и др. приказов, коллективные челобитные московских и провинциальных дворян, посадских людей и т.д., а также Кормчая книга (византийское право), Литовский статут 1588 и др. Всего в нем было 25 глав (семь из них содержат уголовно-правовые нормы), 967 статей. По глубине юридической мысли, законодательной технике Уложение выгодно отли чает все предшествующие правовые памятники.

Предваряет содержательную часть преамбула, излагающая основные вехи истории создания Соборного Уложения, указываются его авторы, источники. Каждая из глав имеет название и, в большинстве случаев, указывает сколько статей в ней содержится. По сути, это первый российский кодекс за конодательных норм. В его составлении царь принимал непосредственное участие. Отдельные нормы Уложения действовали более 200 лет – до 1832 года. Оно стало первым печатным отечественным юридическим документом и было разослано во все московские приказы и в канцелярии воевод.

Можно констатировать, что в нем нашли существенное развитие уголовно-правовые институты как Общей, так и Особенной части. С точки зре-

ния законодательной техники, четкости формулировок и полноте Уложение превосходило современные ему западноевропейские уголовно-правовые законы.

Общее понятие преступления сохраняется прежнее, но просматривается развитие представлений о составе преступления, впервые предпринята попытка законодательного разграничения деяния на умышленные (*хитростные*), неосторожные и случайные (*бесхитростные*), вводятся новые уголовно-правовые понятия - необходимая оборона и крайняя необходимость, выделяются подстрекатель, инициатор преступления, исполнитель, пособник и укрыватель (особо выделяется укрывательство как ремесло), законодательно закрепляется преступное сообщество как форма соучастия (*скоп и заговор*). За действия «скопом и заговором» против царя, бояр, воевод и приказных людей полагалась «смерть безо всякия пощады».

В Соборном Уложении усложняется и ужесточается система наказаний; вводятся их новые виды – ссылка, лишение чести и прав от «выдачи головой» до «опалы» (в отношении привилегированных сословий). Самые жестокие формы репрессий становятся обычным делом, что, правда, было свойственно не только российскому средневековью. Хотя известен и институт отсрочки смертной казни беременным женщинам (она исполняется через 6 недель после разрешения от бремени).

Если говорить об уголовно-правовых нормах Особенной части, то усложняется система преступлений. Совокупность норм о них впервые приобретает характер именно системы, упорядочивается. На первое место выступают наиболее опасные для феодального общества деяния: преступления про тив церкви, государственные преступления, особо опасные деяния против порядка управления. Им посвящены первые главы Уложения.

Выделение в Уложении специальной главы - II, посвященной уголовно-правовой защите личности монарха, осуществляется впервые в русском законодательстве. При этом Уложение не предусматривает покушение на жизнь и здоровье государя, ибо уже обнаружение умысла (голый умысел) считается

преступлением. Совместно с нормами гл. III – *О государеве дворе, чтобы на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было*, резко отделяющих эти преступления от других *лихих дел*, - здесь впервые в истории русского уголовного законодательства дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственных преступлений. Подтверждение этому может быть даже беглое их перечисление - *неподобная* или не пристойная речь в адрес государя; измена, выражающаяся в узурпации власти путем самозванства, так называемое *подыскание под государство московское* или путем передачи города врагу в ходе сражения, поджога города или его части с целью сдачи врагу; *скоп или заговор* (имеется в виду толпа, объединенная предварительным соглашением) против должностных лиц центрального и местного управления и др. При этом здесь впервые в законодательстве устанавливается смертная казнь *безо всякой пощады* лишь за одно *недоносительство.* Историки сообщают: в 1692 году Лебединский воевода Ляпунов обвинялся в том, что скрыл извет, поданный ему тамошними стрельцами, на некого Трошку Чаплыгина[1]. Указом от 4 апреля 1695 г. смер тная казнь предусматривалась не только за недоносительство о государствен ных преступлениях, но угрожала и всем, *кто про те разбои ведал, или сам, бы, или купил, или ведая не известил*[1].

Устанавливаются состав каждого преступления, субъективная и объективная стороны противогосударственных посягательств, обстоятельства, устраняющие наказуемость, решаются другие вопросы. Например, содержится единственная в Уложении статья, трактующая *о помиловании*: вернувшийся из-за рубежа изменник (находившийся там, так сказать, в служебной командировке) при помиловании его государем терял право на возвращение конфискованных земель (ст. 11).

Преступления против церкви выделены в специальную главу, открывавшую Уложение. Она развивает соответствующие нормы Стоглава (сбор-

---

[1] См.: *Веретенников В.И.* История тайной канцелярии Петровского времени. Харьков. 1910. С. 16.

ник соборных решений, поделенный на 100 глав). Ст. 1 вводит понятие *богохульства,* т. е оскорбление словами или действием, а также неверие, отрицание бога, Иисуса Христа, богородицы, честного креста и святых, что являлось посягательством на основы христианского вероучения. Богохульство, как и церковный мятеж - перерыв «божественной литургии», т.е. церковной службы, наказывалось квалифицированной смертной казнью – через сожжение, независимо от того, являлся ли богохульник православным или иноверцем.

Последующие главы - IV-V, условно говоря, составляют раздел о преступлениях против порядка управления. В ст. 1-2 гл. IV, обусловленных бюрократизацией государственного аппарата и увеличением объема бумажного делопроизводства, устанавливается смертная казнь за изготовление поддельных грамот, печатей, приказных писем и наложение печати на воровские, т.е. подложные документы. Такая же участь ждала и тех, кто, зная о подложности *нарядных писем* (подложных, поддельных), пользовался ими.

Вводится понятие фальшивомонетничества, за которое устанавливалась квалифицированная смертная казнь. Историки отмечают, что только за девять лет действия этой нормы наказанию подверглось 22 тыс. фальшивомонетчиков[2]. Примечательно, в 1683 году был издан указ, по которому для людей, менявших *чехи* (польские монеты) на серебряные деньги с целью получе ния прибыли, так же полагалась смерть[3].

Уголовно-правовые нормы содержатся и в гл. VI, регламентирующей вопросы организации вооруженных сил. Ст. 12 устанавливает уголовную ответственность за ложный донос по обвинению бояр и воевод во взяточничестве, а ст. 20 устанавливает тягчайшее преступление – измену (переход или переезд на сторону противника) в военной обстановке. За что в соответствии с принципом устрашения предусматривалась смертная казнь через повеше-

---

[1] ПСЗ Российской империи. М., 1830. Т. III. № 1510. С. 202.

[2] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Изд.4 Спб.-Киев, 1909. С. 346.

[3] ПСЗ Российской империи. М., 1830. Т. II. № 999.

ние на виду у неприятельских полков. Военнослужащие привлекаются к уголовной ответственности за совершение по дороге какого-либо насилия в отношении населения, за дезертирство с военной службы, за побег военнослужащего с поля боя, за кражу оружия военнослужащим у военнослужащего, и др. преступления. Сотенные головы несут ответственность за освобождение от военной службы ратных людей без царского указа и разрешения воеводы.

Значительно представлены уголовно-правовые нормы и в гл. X – *О суде.* Здесь присутствует целый раздел (ст.27-99) об оскорблениях. Он начинается с наиболее тяжкого случая - оскорбление патриарха (ст. 27), субъектами которого являются представители верхушки господствующего класса. «Черное духовенство» было не только объектом этого преступления, но и выступало в качестве субъекта оскорбления, объектом которого являются миряне. Под оскорблением – *бесчестием* – понимается оскорбление, как словом, так и дей ствием, соединенное с другими преступлениями против личности. Меры наказания за бесчестие разнообразны: битье батогами, заключение в тюрьму, торговая казнь и дифференцируется в зависимости от социального положения оскорбленного и положения оскорбителя. Уголовное наказание сочетается с денежным возмещением в пользу потерпевшего. За оскорбление женщины возмещение взыскивается вдвойне, девушки – вчетверо, а честь несовершеннолетнего поповича или мальчика защищается половинным возмещением. В ряде статей (133-135, 198-202) дается понятие соучастия – *скопом и заговором*, говорится об ответственности за подстрекательство к убийству (более простые формы соучастия - соисполнительства, были известны еще Русской Правде), за убийство, совершенное на дворе потерпевшего, об угрозе убийством.

В последующих главах рассматриваются преимущественно имущественные преступления – татьба разного рода, иногда сопровождаемая и убийством, грабеж и мошенничество, под которыми понимается мелкая кража, иг ра в карты и зернь, *поклаже* – прием, хранение или продажа краденных и на грабленных вещей (гл. XXI). Уложение делает значительный шаг вперед по

пути охраны частной собственности. Оно допускает убийство вора, пойманного с поличным в доме, не только в момент совершения преступления, но и во время погони за ним, а также в случае оказания сопротивления при поимке; преступления против личности – убийство, в том числе квалифицированные составы – убийство женой мужа, убийство путем отравления, убийство незаконнорожденного младенца, матерью, прижившей ребенка в блуде), сводничество и др. (гл. XXII). Хотя четкое разграничение по объекту преступления между деяниями, направленными против государства и частных лиц, в систематизации не всегда выдерживается.

Нормы последней главы Соборного Уложения (посвященной борьбе с незаконным производством и торговлей спиртными напитками и табаком), также содержат уголовно-правовые санкции. Примечательно, что ее заключительная статья, определяет пространство действия закона, распространяя его на все города Русского государства. Многие нормы этой главы существовали и раньше, но действовали только на территории Москвы.

Резюмируя отметим, хотя Соборное Уложение 1649 года включило принятые ранее уголовно-правовые и другие акты и вместе с тем значительно расширило нормативную базу уголовного законодательства за счет нового юридического материала. Его принятие явилось важной вехой в развитии самодержавия и крепостного строя: этим объясняется его долговечность. Оно сохраняло значение закона в России вплоть до 1-й половины 19 в. О значении Уложения говорит и тот факт, что оно открыло Полное собрание законов Российской империи (1830 г., в которое вошли в хронологическом порядке акты за период с 1649 по 1825 гг.) и в большой мере было использовано при составлении XV тома Свода законов и Уголовного кодекса 1845 года - Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

В конце 17 в. Россия позиционировалась как крупнейшее государство мира имперского типа, политические и социальные институты которого в новых условиях оказались недостаточно эффективными. И потребовался гений Петра I, реформы которого «определили вектор развития страны на длительную

историческую перспективу, а их противоречивость в значительной мере предопределила противоречивость этого развития»[1]. По его указу в 1700 г. уч реждена Палата об уложении, призванная пересмотреть и систематизировать существовавшее законодательство.

Чрезвычайной интенсивностью отличалась законодательная деятельность Петра I в области уголовного права. Исследователи насчитывают 392 указа уголовно-правового характера[2]. Центральное место среди них в направлении развития уголовного законодательства исследуемого периода занимает Артикул воинский.

Артикул воинский 1715 года[3]. Это оригинальный памятник русского пра ва, по сути первый военно-уголовный кодекс России, обусловивший дальней шее развитие уголовного (материального и процессуального) законодатель ства страны. Он стал 2-й частью Устава воинского 1716 года и состоял из пре амбулы, 24 глав и 209 артикулов. При его подготовке использовано как отече ственное военно-уголовное законодательство предшествующего периода, так и опыт военно-уставного творчества на Западе, в т.ч. военные законы шведко го короля Карла XI. Примечательно, в подлинной рукописи Артикула устано влено более 70 поправок и дополнений, сделанных собственноручно Петром I, свидетельствующих о тщательном редактировании им этого документа.

Артикул воинский включал нормы о преступлениях не только воинских, но и политических и общеуголовных. Он предназначался для военнослужащих, но применялся также в судах гражданской юрисдикции (на его основании, в частности, осуждены А.Н. Радищев и декабристы), что можно объяснить более четкой разработанностью в нем уголовного закона, наличием многих положений общего характера. В Артикуле имеются и сугубо военные

---

[1] См.: Большая Российская энциклопедия: Т. Россия. С. 315.

[2] См.: *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

[3] Термин «артикул» производен от лат. «articulus» - раздел, статья. В 18 и 19 вв. артикулом назывался параграф устава, постановления, а также ружейные приёмы.

правила, а так же нормы государственного права. В нем впервые толковался характер самодержавной царской власти: «*…его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен*» (арт. 20, толкование)[1].

С позиций законодательной техники, систематизации Артикул выгодно отличается от предшествующих законодательных актов. Каждая из глав имеет свое название. Нумерация артикулов единая для всего закона. В расположении артикулов просматривается определенная система, хотя и не всегда по следовательно выдержанная. Значительная их часть снабжена специальными толкованиями (в современном смысле такое толкование называется аутентичным), разъясняющими их смысл, содержание, а иногда и дополняющими их. Ввиду отсутствия Общей части в Артикуле, благодаря этой новелле многие институты уголовного права нашли в нем более четкое определение.

Он ввел в законодательство сам термин «преступление» (арт. 19, 203, 209), а также «преступитель» (арт. 6, 157, 178, 207) и «преступник», проводя на них чисто военный взгляд. Преступление рассматривается не с точки зрения правонарушения, а как нарушение субординации, неисполнение приказанного, ослушание. В таком понимании им могло быть и действие, прямо не предусмотренное законом. Например, в указе 1714 года, использованном при подготовке Артикула воинского, говорилось: «*Многие, якобы оправдая себя, говорят, что сие не заказано было, не рассуждая того, что все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление*»[2]. Такие нормативные установления способствовали беспределу власть предержащих.

Артикул сохранил наказание за голый умысел на совершение политичес ких преступлений. В толковании к арт. 19 дано четкое определение «голого умысла». Наказание устанавливалось и для тех, чье «*преступление хотя к действу и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было*».

---

[1] Здесь и далее ссылки на Артикул Воинский даются по: Российское законодательство… Т. IV Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 327-365.

[2] ПСЗ Российской Империи. Т. V. № 2871.

В арт. 159 четко просматривается принцип вины, как необходимое условие наступления ответственности: «*Но весьма неумышленное и ненарочное убивство, у котораго никакой вины не находится, оное без наказания о пустится*». Хотя Артикул знает не только индивидуально-персонифицирован ную, но и коллективную ответственность и наказание. В арт. 117 говорится о преступлении, совершенном целой воинской частью, которая с «*неприятелем в трактат или капитуляцию вступить, тогда надлежит начальных, которые в том виновны, чести, пожитков и живота лишить, а из рядовых всег да десятаго по жребию повесить, прочих же жестко шпицрутенами наказать*».

Из содержания арт. 154 явствует императив о необходимости установления причинной связи между действием и преступным результатом. Здесь же впервые в истории русского права предусматривается институт судебно-ме дицинской экспертизы, определяются признаки (их 11) медицинского критерия смертельной раны: «*Между другими последующия раны за смертельныя почитаютсца*».

Дальнейшее развитие получили обстоятельства, исключающие преступность деяния - необходимая оборона и крайняя необходимость (арт. 123, 156, 157, 180 и др.). Подробно регламентируются пределы и признаки необходимой обороны, не потерявшие своей актуальности и сегодня. Например, о наличности посягательства: «…*не должен есть от соперника себе перваго уда ра ожидать, ибо чрез такой первый удар может тако учиниться, что и противится весьма забуде*т» (арт. 157, толкование).

Артикул воинский содержит значительно большее число видов преступлений, составы которых определены более точно и четко.

На первом месте (гл.1 и 2) стоят преступления против веры: чародейство, идолопоклонство, богохульство, непосещение церкви, нарушение порядка отправления церковной службы в войсках и др. Наказания имеют открыто сословный, классовый характер – различные за преступления для офицеров и солдат. Многие из них влекут смертную казнь, телесные наказания.

Следующими идут политические преступления, за которые установлена, как правило, смертная казнь (гл.3, 16): против жизни, здоровья, чести государя; связанные с изменой - вооруженное выступление против государя, тайная переписка и переговоры с неприятелем, открытие пароля, передача сведений о военных крепостях и др. К политическим относятся так же возмущение и бунт (гл.17).

Впервые подробно регламентировались преступления, направленные против установленного порядка несения военной службы, т.е. собственно воинские преступления: уклонение от военной службы, дезертирство, членовредительство, сопротивление офицеру, нарушение правил строевой и караульной службы, неосновательная тревога, поднятая после развода и отбоя, нарушение правил обращения с военнопленными, мародерство, самовольное обнажение шпаги, и многие другие (гл. 14 - 15), которые жестоко наказываются - битьё кнутом, шпицрутенами, ссылка на каторгу или смертная казнь.

Сурово наказываются – смертной казнью, и должностные преступления: злоупотребление властью в корыстных целях (арт. 194), взяточничество (артикул 184), неповиновение начальству, отказ от выполнения служебных обязанностей. В большинстве случаев такая же кара предписывалась и за недоносительство об этих преступлениях.

Подробно регулируются преступления (в современной терминологии) против порядка управления и суда – фальшивомонетничество, лжесвидетельство, обмер и обвешивание, срывание, порча правительственных указов и распоряжений и др.; против личности – гл. 19 (о смертном убийстве); против общественного порядка и спокойствия – содержание притонов, драки, брань и др; половые преступления: скотоложство, мужеложство, прелюбодеяние, двоебрачие, заключение брака в близких степенях родства, кровосмешение (гл. 20 - *о содомском грехе, о насилии и блуде*).

Отличаются своеобразием нормы об ответственности за половые преступления: относительная мягкость наказания в сравнении с западноевропейским законодательством; равное наказание независимо от того, на своей или

на неприятельской земле было совершено преступление, против честной женщины или блудницы; покушение на изнасилование наказывается по судейскому усмотрению и др. Рассмотрение половых преступлений по Артикулу отнесено к компетенции общих судов, а не церкви.

Значительно расширен состав имущественных преступлений. Наряду с татьбой, появились такие, как повреждение и истребление чужого имущества, разные виды похищения, присвоение находки, присвоение имущества, данного на хранение (гл. 21 – *о зажигании, грабительстве и воровстве*).

Законченной системы преступлений в Артикуле воинском еще нет и мно гие из них по-прежнему определены казуально.

Артикул не содержит нормы, определяющей цель наказания. Однако ана лиз ряда артикулов позволяет заключить, что оно имеет своей основной идеей - *возмездие,* а ближайшей целью - истребление преступника и *устрашение*. Отсюда чрезвычайная жестокость и изощренность наказаний – членовре дительство (отсечение руки, пальцев, носа, ушей, клеймение и др.), заковывание в железо, «шельмование», которое впоследствии превратилось в «лише ние прав состояния». Другой целью наказания была изоляция преступника – тюрьма, ссылка на каторгу навечно или на срок (на галеры, строительство гаваней, крепостей, заводов). Осужденные широко использовались в фискальных целях, в решении экономических задач на *государевых работах.* Сохраняется наказание и по принципу талиона, неопределенность наказаний, зависимость его от состояния, т.е. от социального положения преступника и т.д. Характерно несоответствие между характером наказания и тяжестью преступления, оно в малой степени зависит от объекта, защищаемого уголовным за коном: измена и покушение на самоубийство, богохульство и сон на карауле совершенно равны в глазах законодателя и облагаются одним и тем же наказанием - лишением жизни. Артикул положил в России начало институту лишения и ограничения прав, который глубоко проникает в карательную систему последующего законодательства.

Особые наказания применялись в отношении офицеров: отставление от службы (на время или совсем), лишение чина и достоинства (позорящее наказание), служба в качестве рядового, арест у *профоса* (воинский служитель, убирающий нечистоты; он же - палач), лишение отпуска и др. Ошельмованный офицер не имел фактически никаких прав.

Артикул воинский действовал вместе с Уставом воинским 1716 года и параллельно Уложением 1649 года вплоть до ввода в действие в 1835 году «Свода законов Российской империи».

В послепетровский период масштабных реформ уголовного законодательства не проводилось. Феминократия, продолжавшаяся большую часть XVIII в., неоднократно создавала комиссии по уложениям, деятельность девяти из них, последовательно учреждаемых в этом веке, оказалась бесплодной[1]. Заметнее всех была всесословная комиссия Екатерины II по ее «легисломании» для сочинения нового Уложения. В качестве инструкции депутат ам Комиссии об Уложении императрица составила «Наказ», в котором были сформулированы главные принципы будущего законодательства. В основу «Наказа» легли идеи Ш. Монтескье (1689-1775), Ч. Беккариа (1738-1794) и других просветителей[2]. Он затрагивал и вопросы юриспруденции, судопроизводства. В «Наказе» впервые в России был сформулирован принцип презумпции невиновности, соразмерности преступления и наказания, необходимости отмены пытки как средства дознания. Императрица потребовала «все накаания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить». Осуществление этого пожелания означало бы полную переделку сложившейся системы наказаний, к чему никто не был готов. Однако для дворян были отменены не только истязания, но и телесные наказания вообще.

---

[1] Елизаветинская Уложенная комиссия 1754 года составила проект уголовного кодекса, но дальше этого дело не пошло: уже одобренный Сенатом проект не был подписан императрицей // См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. Т.IV. М., 1958. С. 328, 341.

[2]Отмечается влияние на «Наказ» и сочинения первого русского юриста профессора Московского университета С.Е.Десницкого (1740-1789) «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи».

Деятельность Комиссии об Уложении 1767-1768 гг. привела Екатерину II к выводу о невозможности согласования интересов различных сословий, а также смягчения крепостнических порядков без риска потерять престол и в декабре 1768 г. она её распустила. Частные комиссии (по направлениям законодательства) продолжали работать, созданные ими законопроекты были использованы просвещенной императрицей в её собственной законотворческой деятельности.

В анализируемую эпоху специально уголовных законов было издано немного. Уголовно-правовые нормы чаще помещались в актах другой отраслевой принадлежности. Определенный интерес представляет *Указ о подметных письма от 24 февраля 1726 г.* Перед доносителем ставится не простая за дача – не прочитав любую найденную бумажку, определить, что в ней «*воровския вымышленныя*» (ст. 3). Предполагалось, что лучше всего ее нести властям. Ранее решалось проще – «*воровское письмо*» полагалось сжечь на месте. Указом впервые устанавливается срок сдачи подметных писем. Чем выше награда за донос, тем строже наказание за недоносительство. Наказание здесь выше, чем в Артикуле воинском – абсолютно определенная санкция - смертная казнь. Состав преступления отличается и объективными признаками. Под запечатанными и незапечатанными письмами подразумеваются прокламации и письма, адресованные конкретному лицу, обычно монарху, т.е. речь не о простой клевета, а о государственном преступлении. Артикул наказывал за чтение подметных писем, указ – даже за их хранение (ст.4,5).

Своеобразный уголовно-правовой характер носит и *Указ от 13 декабря 1760 г. О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекруты.* Его появление обусловлено насущной задачей – укрепление хозяйственной и военной мощи России за счет освоения Сибири. Гипотеза и диспозиция правовой нормы весьма неопределенны - в порядке вотчинной юстиции помещик сам определяет состав преступления крепостного, а санкция абсолютно определенная – пожизненная ссылка в Сибирь.

«Апофеоз» крепостного права в сфере уголовной юстиции помещиков – Указ от 8 января 1765 г. *О праве помещиков отдавать неугодных им кресс тьян в каторжную работу*[1]. По сути дела, эта мера беспрецедентная и чрезвычайная: помещикам предоставлялось право ссылать своих неугодных крестьян на каторгу на любой установленный ими самостоятельно срок и беспрепятственно возвращать их в любое время назад по своему усмотрению.

Значительные «вкрапления» уголовно-правовых норм имеет и *Устав благочиния или полицейский*[2], подписанный Екатериной II 8 апреля 1782 г. Две последние главы М и Н о «Запрещении» и «Взыскании», - по сути дела, - полицейский карательный кодекс[3].

В них детализированы деяния и правонарушения, которые отнесены к ведению полиции или связаны с ее деятельностью. Преступления, отнесенные к ведению иных государственных органов (воинские и многие политические) не называются. В Уставе уже намечается практическое разграничение *преступления и проступка:* оно проводится не только по видам противоправ ных деяний, но и по стадиям правонарушения, характеру и раз меру причиненного вреда. Екатерина II еще в первом Дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 г. высказала заимствованную у Ш. Монтескье (1689 -1755) мысль о том, что «ненадобно смешивать великого нарушения за конов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном ряду ставить не должно»[4]. Сочинители Устава эту идею воплотили следу

---

[1] Каторга в России возникла в 1699 г. Указами 1703 года она официально включена в русскую карательную систему и стала самым распространенным и массовым наказанием //ПСЗ. Т. IV. № 1924, 1930, 1957.

[2] *Благочиние* - приличие, благопристойность. Со времени русской кодификации – юридический термин, обозначающий законодательство о мерах, обеспечивающих безопасность. По университетскому уставу 1835 г. в юридических факультетах университетов Рос сии была положена кафедра законов благоустройства и благочиния, переименованная уставом 1863 г. в кафедру полицейского права.

[3] При составлении Свода Законов Российской империи эта группа полицейских законов, регулирующих меры по обеспечению безопасности, составила 7-ю часть Свода, помещенную в XIII и XIV томах.

[4]Цит по: Российское законодательство...Т.V Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 386.

ющим образом: *преступлением считаются* такие правонарушения, по которым решения о мерах наказания надлежало принимать суду на основании закона, если они не носили характера гражданско-правового деликта. А деяния, нарушающие запрет, установленный только Уставом благочиния, подлежащие окончательному рассмотрению в органах полиции, наказуемые в соответствии с мерами, предусмотренными указанным Уставом, *рассматривались как проступки.*

Выделяются, в частности, *составы преступлений* против веры – врывание в церковь или совершение в ней преступления (ст. 240)[1], переход правос лавного в иную веру (ст. 243) и др.; ряд политических преступлений – организация без согласия или ведома полиции собраний, обществ, товариществ, братств (ст.250), организация подозрительной сходки и др.

Среди преступлений против личности на первом месте стоит убийство, далее -нанесение телесных повреждений, насилие, похищение людей (ст. 267), распространение эпидемий, торговля недоброкачественными продуктами (ст. 274) и др.

Важное место занимают должностные преступления, преступления против порядка управления и суда, нарушающие общественный порядок, общественную безопасность и спокойствие. Объемно представлены имущественные преступления и др.

Вопрос о мере наказания в отношении лиц, совершивших преступление, решался судом в соответствии с нормами действовавших в то время законов. Полиции же предписывалось задержать виновного и произвести предварите льное расследование в форме дознания.

Перечисляются *и проступки* – нарушение порядка в церкви (ст. 239), споры против православия (ст.241) и др., по которым полиция применяет наказания – арест (для несостоятельных людей он мог быть бессрочным), штраф. В качестве меры взыскания являлось и наложение молчания (ст. 241).

Не смотря на безуспешность учреждаемых последовательно с начала XVIII в. девяти предшествующих комиссий по разработке и изданию ново го уголовного уложения, взойдя на престол, Александр I объявил, что будет управлять «по закону и по сердцу» императрицы Екатерины II. При нем от телесных наказаний освободили купцов первых двух гильдий, их жен, диаконов и монахов. Позже, в 1817 г. в Москве был учрежден комитет, которому предстояло ответить на вопрос, стоит ли сохранять членовредительские наказания. Александр I пытался отменить торговую казнь. Был даже подготовлен соответствующий указ. Опасаясь спровоцировать волну преступлений его так и не опубликовали.

Уже в 1801 г. Александр I утвердил новую, десятую по счету, комиссию по составлению законов во главе с графом П. В. Завадовским (1739-1812). В соответствии с Планом государственных преобразований, разработанного известным юристом того времени М. М.Сперанским (1772-1839), Александр I учредил Государственный совет (1810 г.) для цен трализации законодательной практики и унификации юридических норм. Обсужденные в его департаментах законопроекты выносились на общее собрание, и после утверждения императором получали силу закона. В ведении Государственного совета находились все вопросы, требовавшие отмены, ограничения, дополнения или пояснения прежних узаконений и принятия новых, общие распоряжения к исполнению существующих законов.

В начале 19 в. для круга мыслящей интеллигенции, в которую входили «просвещенные бюрократы» П.А.Вяземский (1792-1878), М.С. Воронцов (1782-1856), Н.С.Мордвинов (1754-1845), Н.И. Тургенев (1789-1871), профессора А.П. Куницын (1783-1841), М.А. Балугьянский (1779-1847) и др., было характерно переплетение консервативных и либеральных идей. Однако в среде высшей бюрократии и образованного дворянства преобладали консервативные умонастроения, выражавшиеся в стремлении к сохранению ус-

[1] Здесь и далее ссылки на Устав благочиния или полицейский даются по: Российское законодательство… Т. V Законодательство периода расцвета абсолютизма. С.324-

тоявшихся порядков. Н.М. Карамзин (1766-1826), теоретически обобщивший эти умонастроения, подвергая резкой критике все попытки реформ государственного строя, права, начиная со времен Петра I, утверждал, что самодержавие – «палладиум России» (т.е. то, без чего она не может существовать); право, закон и свобода не являются, по его мнению, теми ценностями, которым надо приносить в жертву могущество и целостность государства, ибо ценности общегосударственные в России всегда значили более, чем «личные пользы»; считал, что Россия не созрела для отмены крепостного права. Сочетавший эти идеи, М.Сперанский во «Введении к Уложению государственных законов» (1809 г.) исходил из принципа разделения властей, правового государства, построенного на уважении всех членов общества к закону и его субъекту – самодержцу, подчеркивал важность политической свободы, которую тесно связывал со свободой гражданского оборота, чему препятствовало крепостное право. Вслед за французскими просветителями он верил в широкие возможности разумного законодательства.

В русской юриспруденции этого периода преобладали идеи доктрины естественного права, но в 1820-е гг. преподавание его в университетах было объявлено «противоречащим явно истинам христианским и клонящим к ниспровержению всех связей семейственных и государственных» [1] и запрещено (по тогдашнему университетскому уставу юридические науки не были строго разграничены). Её место заняли идеи немецкой исторической школы права, утверждавшей, что право каждого народа развивается спонтанно и это саморазвитие не следует нарушать законодательными реформами, в особенности кодификацией. Влияние этой школы оставило свой след не только на проблематике юридических исследований, но и на правотворчестве. К этому времени относится и зарождение науки уголовного права[2].

387.

[1] Цит. по: Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. «Россия». М., 2004. С.625.

[2]Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье «Уголовное право» (автор К.- К.) отмечает, что в каталогах юридических библиотек и в учебниках, дающих перечень литературы по уголовному праву того периода, вслед за относящимся к 1803 г. переводом (Д. Языкова) известного рассуждения Беккарии о преступлениях и на-

Под руководством М.М. Сперанского, возглавлявшего с 1808 г. Комиссию по сос тавлению законов удалось по-настоящему развернуть работу и завершить систематизацию российского законодательства[1]. С его именем связана и систематизация уголовного законодательства. Для этой работы он привлек немецкого ученого Г. Якоба (1759-1827), поста вив перед ним задачу под готовки совершенно нового уголовного кодекса. На основе проекта баварского уголовного уложения (1813 г.) Якоб составил проект Уголовного уложения Российской империи, который состоял из Общей (впервые для России) и Особенной частей[2]. Год спустя проект был внесен в Государственный Совет, но поддержки не нашел.

Главным делом М. Сперанского в период царствования Николая I было составление *Полного собрания законов Российской империи* (далее ПСЗ РИ) в 46 тт. (1830) и *Свода законов Российской империи* (далее СЗ РИ) в 15 тт. (1832). По его замыслу, инкорпорационные работы по изданию ПСЗ РИ и СЗ РИ - два этапа на пути создания кодификационного акта - Уложения, которое должно было не только содержать старые нормы, но и развивать право. Собрание и приведение в систему всех предшествующих законодательных ак тов, начиная с Соборного уложения 1649 г. и до Манифеста о вступлении Николая I на престол, опубликованного 12 декабря 1825 г. - объективная необходимость, осознанная М.М. Сперанским[3]. Важнейшее условие, которое самодержец поставил перед комиссией - это не обращаться к «сочинению но-

---

казаниях упоминаются "Начальные основания уголовного права" (1814) Неймана, "Опыт начертания российского уголовного права" (1815) Герогляда, "Начертание теории уголовных законов" (1824) Цветаева, "Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений" (1826, 2 изд., 1830) Гуляева, "Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях" (1841) С. Баршева.

[1] *Систематизация законодательства* - деятельность по совершенствованию и приведению действующих нормативных актов в единую, упорядоченную и внутренне согласованную систему. Обычно в это понятие включаются такие самостоятельные формы правовой деятельности, как учет нормативных актов, инкорпорация, консолидация и кодификация законодательства.

[2] *Таганцев Н.С.* Уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.1.М., 1994. С.102.

[3]Исходным пунктом выбрано было Соборное Уложение потому, что все предшествовавшие акты предполагались отмененными уже в силу самого факта издания Уложения 1649 г., имевшего целью объединить все действовавшие к тому времени акты.

вых законов», а просто «основать старые на твёрдых началах», тем самым укрепить существовавшие порядки, ничего в них не меняя[1]. В ПСЗ РИ включены и расположены в строго хронологическом порядке акты указанного выше периода, как действовавшие, так и отмененные (более 53 тыс.). Кроме того, в ПСЗ РИ вошли важнейшие судебные решения, имевшие значение обще го руководства для аналогичных случаев; исключалось только все личное и частное, а также временные акты, поскольку они не имели исторического значения. ПСЗ вышло тремя изданиями: *первое* – 46 томов, охватывает акты до начала царствования Николая I (12 декабря 1825 г.); последующие акты до 1 марта – *второе* ПСЗ РИ (55 томов); с указанного срока (вступление на престол императора Александра III) издавалось *третье* ПСЗ РИ. Все они являются ценным источником изучения истории Русского государства и права эпохи самодержавия.

После издания ПСЗ комиссия М. Сперанского приступила ко второму этапу работы – созданию Свода законов Российской империи. Работа была проведена в кратчайший срок: СЗ РИ, состоявший из 15 томов, издан в 1832 году[2]. В него вошло около 36 тысяч действовавших общеимперских нормативных актов (указов, манифестов, циркуляров и т.д.) и извлечений из них. Всего в СЗ было 42 тыс. статей, каждая из которых имела ссылку на источник – соответствующий акт в ПСЗ, с датой и номером. Свод структурировался на 8 разделов, расположенных по предметному (отраслевому) принципу. Законы делились на публичные и частные, которые М. Сперанский называл

---

[1] Цит. по: Юридический словарь. М., 1953. С. 456

[2]Невольно возникают исторические ассоциации не в пользу современности. Сегодня темпы правотворческой деятельности на всех уровнях, и в первую очередь в законодательной сфере, неизмеримо выросли. Назрела потребность в подготовке и издании нового Свода законов РФ. Его издание - это необходимая предпосылка создания стройной, внутренне согласованной и удобной для пользования правовой системы Российского государства. В соответствии с Указом Президента РФ от 6 февраля 1995 г. № 94 "О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации" Свод законов должен быть официальным, систематизированным и полным собранием действующих нормативных правовых актов РФ, поддерживаемым в контрольном состоянии. За прошедшее десятилетие временная комиссия по его подготовке о результатах работы не сообщала.

государственными и гражданскими, соответственно. Высока была техника оформления томов Свода.

Этим вторым этапом, путем инкорпорации, завершилась систематизация российского законодательства. Тем самым можно считать, что в первой поло вине XIX в. была оформлена система российского права, которая просуществовала в своей основе до кончины Российской империи (только в 1885 г. к нему был добавлен том XVI, содержащий процессуальное законодательство).

Практически важный вопрос о том, признавать ли действующим правом ПСЗ РИ, а СЗ РИ – только вспомогательным средством при его толковании, или наоборот, был решен Государственным Советом в смысле признания Свода Законов, а ПСЗ РИ, источником, «коим в решениях исключительно руководствоваться должны»[1]. Представляя собой новую форму действовавших ко времени его составления законов, Свод Законов имел юридическую силу лишь при условии соответствия статьям ПСЗ РИ. Государственным Советом были выработаны и опубликованы правила о применении Свода Законов.

Начинался Свод с изложения основных законов, т.е. законов о высших органах государственной власти. Далее следовали «Учреждения государственные», различные «уставы» административного характера, законы о сословиях, законы гражданские. Уголовные законы вошли в XV том, завершая СЗ.

По замыслу М. Сперанского предполагалось путем кодификационного метода создать Уложение, которое должно было развивать право. Именно это го, как было отмечено, и не хотел самодержец. Условно, элементом третьего этапа можно считать издание в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Параллельно с работой над проектом этого акта продолжалась подготовка второго издания СЗ РИ, в том числе и Свода законов уголовных, второе издание, которого было утверждено Николаем I 4 марта 1843 г. Он был дополнен более чем 300 статей.

---

[1] Цит по: Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К». Седьмое, изд. Т. 32. М., 1913, С. 518.

Свод требовал объяснения содержащихся в нем норм, их научной классификации, разработки правил толкования и применения этих норм и т.п., что стимулировало развитие юридической науки, вызвало формирование ее нового направления – юридического позитивизма[1].

Как отмечалось, уголовному праву в Своде законов посвящен XV-й том, состоящий из двух книг. Здесь впервые выделены общая и особенная части уголовного права. Книга первая - «О преступлениях и наказаниях вообще» - представляла собой свод действующего на тот период русского уголовного законодательства подразделялась на одиннадцать разделов. Первый раздел, составлял Общую часть уголовного права - «О существе преступлений и разных родов казней и наказаний» - остальные его Особенную часть. Общая часть имела шесть глав: «О существе преступлений и разных степенях виновности»; «О разного рода казней и наказаний»; «Об изъятии от телесного наказания по состоянию подсудимого»; «О мере наказания по мере вины»; «Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене оного»; «О последствиях наказаний и о гражданских взысканиях по преступлениям»; «О пространстве действия уголовных законов».

Если иметь в виду, что составители Свода вынуждены были формулировать их положения, исходя из соответствующей нормы ПСЗ РИ, т.е. существа не меняя, то законодательные новеллы в указанном томе фактически сводились к несколько преобразованной их форме.

В первом издании Свода было зафиксировано общепринятое для российского законодательства того времени деление преступлений на уголовные, на маловажные, проступки. Статья 1 Свода уголовных законов дает общее понятие преступления как всякого деяния, запрещенного законом под страхом наказания (т.е., уже указывает на два из четырех признаков, содержащихся ст. 12 УК РФ), а в ст.2 приводится определение маловажных пре-

---

[1]*Юридический позитивизм* (от лат. *positivus* - положительный) - направление в юриспруденции, сторонники которого ограничивали задачи юридической науки изучением позитивного права, отождествляли его с законом независимо от содержания последне-

ступлений и проступков (в отличие от уголовных преступлений) как деяний, запрещен ных под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления[1].

Здесь уместно сказать, что в мае 1839 г. Николай I утвердил Сельский полицейский и Сельский судебный уставы. Изначально, последний являлся основой норм об ответственности за проступки государственных крестьян, а с 1861 г. он был распространен на всех лиц крестьянского сословия. Он вошел во вторую часть XII тома Свода законов. В нем «Деяния, запрещенные за коном под страхом легкого наказания или полицейского исправления, именуются проступками, а наказания за них определенные, - исправительными, для различения от преступлений и наказаний уголовных» (ст.90), а все его статьи материально-правового характера «постановляются в дополнении тома XV Свода законов уголовных». А.В. Наумов справедливо указывает на уместность аналогии таких видов исправительных наказаний, предусмотренных Сельским уставом, как употребление в работы и заключение под стражу, с обязательными работами и арестом по УК РФ 1966 г.[2].

«Косметическая» правка коснулось и таких понятий как формы вины (имелась ссылка на Артикул воинский Петра I, на Соборное Уложение 1649 года, но понятие неосторожности отредактировано более тщательно - ст.5), видов соучастия (оно именуется «стечением преступлений» - ст. 123). Попрежнему не получили достаточно четкого определения возраст наступления уголовной ответственности, обстоятельства, устраняющие уголовную ответственность.

го. Фактически - это легистский (лат. jus, juris), а не юридический позитивизм (лат. les, legis).

[1] Еще в императорском рескрипте от 5 июня 1811 г. (составленного под влиянием Уголовного кодекса Франции 1810 г.) преступления были разделены на три степени также по виду и тяжести наказаний: за совершение преступления первой степени виновный подвергался гражданской смерти или каторжным работам, второй – ссылке в Сибирь на поселение или отдачу в военную службу, третьей – легкому телесному наказанию с обращением на прежнее место жительства или содержанием в смирительных и работных домах // СЗ РИ. 1832. Т.XV.С. 1-3.

[2] См.: *Наумов А.В.* Указ раб. С. 71-74.

Отмененная Елизаветой Петровной (царствовала в 1741-1761 гг.) смертная казнь формально не была восстановлена даже Екатериной II, что, как известно, не помешало ей расправляться с участниками пугачевского бунта. Восстановление смертной казни произошло лишь после восстания декабристов.

Свод предусматривал торговую казнь почти за 50 преступлений, в число которых входили бунт, богохульство, мужеложство, убийство, сочинение пасквиля, взяточничество и т. д. При этом было запрещено наносить более 50 ударов кнутом[1].

Не претерпела в Своде сущностного изменения и система Особенной части законов уголовных. Не преодолена казуальность, недостаточная определенность признаков составов преступлений, излишнюю дробность различных оттенков преступных деяний. На эти и другие изъяны указывали классики российского уголовного права (он имел 765 статей уголовных и 829 статей судопроизводственных; в нем отсутствовала строго определенная лестница наказаний; отсутствовала точная характеристика отдельных наказаний, неопределенность отдельных санкций по типу «наказать яко преступника указов» и т.д.)[2].

Очевидные промахи Свода, «возмужание» русского правоведения и юриспруденции, опережающие время уголовно-правовые взгляды государственников и правоведов того времени (А.Е. Радищева, Н.С. Мордвинова, А.П. Куницына и др.), очередные витки реформ государственного аппарата, изменения в социально-экономическом строе России, вскоре побудили Николая I

---

[1] Интересен казус, случившийся с калужским губернатором графом Толстым. Просматривая дела, он поразился количеству ударов розгами, к которым приговаривали виновных. Граф спросил делопроизводителя: «Может ли человек столько вынести?» Тот не сумел ему ничего ответить. Губернатор решил проверить это опытным путем. Он отправился в баню и велел банщику принести розги и высечь себя. После нескольких ударов он закричал: «Довольно, будет!» И с тех пор никогда в приговорах не утверждал количество ударов розгами, превышавшего его собственный опыт. Цит. по: *Еремин Ф.* Казнить по-русски // Политический журнал.2006. № 33/34. С. 75.

[2] См.: *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. С. 175; *его же*, Уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.1.М., 1994. С.103-104.

инициировать подготовку проекта Уложения о наказаниях уго ловных и исправительных. Кроме того, «усиление карательной политики самодержавия вызывало потребность в более определенном формулировании в законе наказуемых деяний, в более четком определении составов государственных преступлений и преступлений против порядка управления»[1].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Это основной источник русского уголовного права середины XIX - начала XX вв. Уложение введено в действие с 1 мая 1846 г. и составило первую книгу XV тома третьего издания СЗ РИ (1857 г.). За этот период первоначальное число статей с 2224 возросло до 2304.

Реформы, начавшиеся со вступлением на престол Александра II, потребовали пересмотра и уголовного законодательства. Давно подмечено, ни одна область права не отражает на себе в такой степени переживаемую эпоху, как область права уголовного. Закон 22 марта 1860 г. отменил отдачу в виде наказания в военную службу; 17 апреля 1863 г. ограничено применение телесных наказаний; 20 ноября 1864 г. утверждены судебные уставы, в том числе и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Поскольку они – источники уголовного права, это повлекло частичный пересмотр Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с исключением всего того, что составило содержание устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а также других актов, принимаемых в этот период.

В 1866 г. Уложение было издано в *третий раз.* Число статей сократилось до 1711. В 1885 г. последовало *четвертое издание*, в которое вошли все уголовные законы по 31 декабря 1885 г. Нумерация статей была оставлена прежняя, но число их сократилось до 1560. Дальнейшие изменения уголовных законов включены в продолжения к СЗ РИ 1890, 1891 и 1895 гг.

Как в русской дореволюционной отечественной уголовно-правовой литературе (работы А.Ф. Кистяковского, Н.Д. Н.Неклюдова, П.П. Пусторослева

[1] Российское законодательство X-XX веков. Т. V Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 162.

В.Д. Спасовича, Н.Д. Сергеевского, Н.С.Таганцева, И.Я. Фойницкого и др.), так и в трудах криминалистов советского и постсоветского периода (работы А.В. Архипова, А.В. Наумова, В.М. Клеандровой и др.) дан обстоятельный и всесторонний теоретический анализ этого итогового памятника уголовно-правовой науки и законодательства России середины XIX века.

Возвращаясь к Уложению, оно, на наш взгляд, в сущности, гораздо более похоже на свод, чем на кодекс, построенный на одном общем начале. Даже в делении Уложения на отделы и в расположении отделов его составители стремились сохранить систему свода законов. Оно имело 12 разделов (первый раздел заключает в себе общую часть, остальные - особенную); разделы распадаются на главы - 81, некоторые главы - на отделения - 98, отделения на - отделы, что затрудняет пользование им. Группировка составов преступлений была осуществлена более чем по 150 направлениям.

Характерную для Свода законов казуальность, Уложение не преодолело. Так, Уложение содержало 24 статьи, устанавливающие наказания за убийство. Несмотря на невероятную обильность статей, а может именно вследствие этой обильности его неполнота легко просматривается.

Открывается Уложение дефинитивными нормами о существе преступлений и проступков как противоправных деяниях (отделение первое). Преступление есть *«всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц»* (ст.1)[1]. Проступком именуется *«нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы»* (ст.2). Их объединяет противоправность (в первом случае – нарушение закона, во втором – подзаконного акта). Этот же принцип формулировался и в ст.

---

[1] Здесь и далее ссылки на статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных даются по: Российское законодательство… Т. 6 Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 173-309.

96, требующей определения наказания за преступления и поступки *«не иначе, как на точном основании постановлений закона».*

Второе различие между этими деяниями проводится по объекту посягательства (в последующих редакциях Уложения – 1866, 1885 гг. это различие между преступлением и проступком было исключено из общей части данного акта).

Третье различие в наказуемости: *«за преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям уголовным или исправительным»* (ст. 3). Очевидно, что включение в Уложение и административных и дисциплинарных правонарушений можно сказать «размывало» его отраслевую принадлежность, как уголовного закона.

Впервые преступления и проступки достаточно четко рассматриваются как действие и бездействие (ст.4), но сами эти термины закон не употребляет: *«преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано».* Хотя эти общие положения не получили достаточно четкой реализации в Особенной части, вместе с тем следует отметить большую по сравнению со Сводом законов (т. XXV, ст. 1, 2) юридическую четкость понятия преступления.

Менее содержательно, по сравнению со Сводом законов (XV, ст. 3 -8), произведено деление преступлений и проступков на умышленные и не умышленные (ст. 5). Их понятие в законе не раскрывалось. Уложение проводило различия умышленных преступлений и проступков на совершенные вследствие заранее обдуманного намерения или умысла (1-я степень) и совершенные по внезапному побуждению «*без предумышления*» (2-я степень). Что касается неосторожности как формы вины, то она не получила достаточно четкого общего определения, но применительно к индивидуализации наказания неосторожность формулируется более подробно (ст. 116). Надо сказать, что Свод законов предусматривал ответственность за неосторожность в двух видах: 1) «когда виновный легко мог предвидеть, что действие его мо-

жет повлечь противозаконные последствия…» и 2) «когда виновный совершил действие, законом не воспрещенное, не думая, чтобы из оного могло про изойти противозаконное последствие, однако же при надлежащей осмотрительности мог бы избежать противозаконного последствия»[1]. Нельзя не упомянуть добрым словом ст. 7 Уложения, где сформулирован принцип виновной ответственности: «*зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною*». То есть, случайные деяния ненаказуемы. Этот императив можно считать, если не аналогом, как это делает А. Наумов, то предтечей нормы о невиновном причинении вреда, выраженной в ст. 28 УК РФ 1996 г., наверное.

Второе отделение (ст. 8-12) говорит о стадиях предварительной преступной деятельности и совершении преступления. Закон выделяет: обнаружение умысла – «*изъявление на словах, или письменно, или иным каким-либо действием намерения учинить преступление*»; приготовление к преступлению – «*приискание или приобретение средств для совершения преступления*»; покушение на преступление – «*всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение*» и «самое совершение преступления» - преступление считалось оконченным, «*совершившимся, когда в самом деле последовало преднамеренное виновным, или же иное от его действий зло*». Последу ющие статьи определяют особенности наказания в зависимости от стадии преступления, в т.ч. за оконченное и неоконченное покушение (ст. 117-122). Покушение, остановленное по собственной воле покусившегося, если содеянное само по себе не преступно, не наказуемо; остановленное не собственной волей влечет наказание, положенное за оконченное деяние, с понижением в степени.

В Уложении значительно более точно и юридически совершенно разработан институт ответственности за соучастие в преступлении (сам институт был известен российскому уголовному закону и ранее - выделялись три формы участия в преступлении: без предварительного соглашения (скоп), по

[1] СЗ РИ. Т. XV. Ст. 5.

предварительному соглашению (заговор) и шайка.). Соучастию посвящено отделение третье – «*О участии в преступлении*». В нем «…*принимается в уважение: учинено ли сие преступление по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию, или без оного*» (ст. 13). В первом случае выделяются следующие виды соучастников: *зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели, пособники.* Закон описывает, в чем конкретно выражается роль каждого из соучастников (ст.15). В преступлении, учиненном несколькими лицами *без предварительного их на то согласия,* ст. 14 выделяет *главных виновников* и *участников.* Участие последних могло выражаться как в непосредственной помощи главным виновным в *содеянии* преступления, так и лишь в доставке средств для совершения преступления или устранении препятствий к его совершению.

Для каждой категории совиновников определена особая мера ответственности, отправной точкой которой служит наказание, положенное за содеянное; только за недоносительство о совершенном преступлении назначаются специальные положенные наказания. Образование шайки рассматривается и наказывается как *delictum sui generis.*

В Особенной части (например, ст. 345) вид соучастия обусловливал различные виды наказания (с учетом степени участия и меры вины). Однако в случае совершения наиболее опасных государственных преступлений все соучастники наказывались одинаково (ст. 265).

В этом же отделении Уложение ввело понятие «*прикосновенных к делу и преступлению*» лиц. Ими признавались *попустители* - «*те, которые имев власть или возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо допустили содеяние оного*» и *укрыватели* - лица, которые, не принимая никакого участия в самом совершении преступления, уже после его совершения заведомо участвовали в сокрытии или истреблении его следов или же в сокрытии самих преступников (по современной терминологии – *заранее не обещанное укрывательство)*, или «*заведомо взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали или продали другим по-*

хищенные или отнятые у кого-либо или же иным противозаконным образом добытые вещи» (ст. 16). Надо сказать, что институт прикосновенности к совершению преступления широко использовался в борьбе, говоря современным языком, с политической оппозицией, позволявший осуществлять репрессии относительно лиц, преступления которых не были доказаны. Что касается заранее обещанного укрывательства, то оно отнесено к пособничеству (ст.15).

Основательно Уложение регулирует институт наказания. Им посвящены главы вторая - четвертая: «*О наказаниях*», «*О определении наказаний по преступлениям*» и «*О смягчении и отмене наказаний*», соответственно.

Уложение сохранило телесные наказания (были отменены лишь кнут и рвание ноздрей). В основе карательной системы - *лестница наказаний* в техническом смысле этого слова (ст. 18-61), т. е. такая система, при которой все роды наказаний, поделенные на виды и степени, располагаются в последовательном порядке степеней и отношения между двумя рядом стоящими степенями признаются всегда одинаковыми, все равно, принадлежат ли они к одному виду и роду или нет. Она типична для феодального права – откровенно сословная, без обиняков закреплявшая правовое неравенство: лица, не изъятые от наказаний телесных, подвергаются наказанию плетью, клеймению, наказанию розгами[1].

При отсутствии безусловно неопределенных санкций (что часто встречается в Своде законов), принятая Уложением лестница наказаний оказалась стройной только на бумаге и совершенно непригодной на практике.

По тяжести наказания делятся на уголовные, влекущие за собой лишение всех прав состояния – поражение в правах, и исправительные.

Уголовные наказания: смертная казнь, ссылка в каторжные работы, ссылка на поселение в Сибирь и ссылка на поселение в Закавказье. Последнее наказание - исключительное, стоящее вне лестницы и назначаемое лишь

[1] См. подроб.: *Жбанков Д.И.* Телесные наказания в России накануне XX века. СПб. 1900; *Тимофеев А.Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897.

в особо указанных случаях. Уголовные наказания для всех одинаковы; но в отношении наказаний исправительных уложение разделяет всех на две категории: изъятых и не изъятых от телесных наказаний. Телесные наказания были сохранены в виде дисциплинарного взыскания для солдат, состоящих в штрафных подразделениях, для матросов – во время плавания, для каторжных.

Исправительные наказания: ссылка на житье (*в отдаленнейшие или менее отдаленные места Сибири* - п.1 ст. 34), исправительные арестантские отделения, крепость, тюрьма, арест, выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания.

Параллельно с лестницей общих наказаний стоят наказания особенные (исключение из службы, отрешение от должности и др.), назначаемые за преступные деяния по службе. Кроме главных наказаний, установлены дополнительные: конфискация имущества, церковное покаяние, отдача под особый надзор полиции и др.

Виды поражения прав: а) лишение всех прав состояния - разрушает права сословные, семейные и имущественные; б) лишение всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного присвоенных, - поражает права сословные и служебно-политические и в) лишение некоторых особенных прав и преимуществ - влечет за собой лишение права вступать в государственную службу, быть избирателем и избираемым на почетные и соединенные с властью должности.

Суд не может определить иного наказания, кроме того, которое в законах за судимое им преступление именно предназначено. Когда за деяние положено несколько различных степеней или даже родов наказаний, суд свободно выбирает род и степень. Избрание меры в пределах степени всегда предоставляется усмотрению суда, кроме тех случаев, когда закон особо указывает, что должна быть назначена высшая или низшая мера (например,

смертной казни на *политическую смерть*[1] и ссылку в каторжные работы; каторжные работы в рудниках без срока или на определенное время на каторжные работы в крепостях; наказания плетьми наказанием шпицрутенами). При наличии в деле обстоятельств, увеличивающих или уменьшающих вину (например, малолетство - ст. 144, 145), суд переходит от одной степени лестницы к другой вверх или вниз, с некоторыми ограничениями (ст.150). В случаях рецидива или совокупности преступных деяний наказание назначается на основании особых правил. Правила замены наказания как по причинам юридическим, так и по фактической невозможности применить в данном случае данное наказание отличаются особенной сложностью. Редакция Уложения 1885 года не включала статьи, определявшие возможность замены лишения свободы телесными наказаниями.

Наказание отменяется: за смертью преступника, за примирением с обиженным, за давностью и вследствие помилования. Сроки давности, от 6 месяцев до 10 лет; они поставлены в связь со сравнительной тяжестью наказания. Давность не распространяется на преступления государственные и длящиеся и на умышленное убийство родителей.

В Уложении впервые в уголовном законодательстве России дается перечень обстоятельств, устраняющих наступление уголовной ответственности - «*причины, по коим содеяное не должно быть вменено в вину*» (ст. 98):

совершенная невиновность;

малолетство – «*в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния*». Статья 100 устанавливает, что «*дети, не достигшие семи лет от роду и потому еще не имеющие достаточного о своих*

---

[1] *Политическая смерть* означала, что «по возведении осужденного на эшафот и по преломлении над ним, если он принадлежит к дворянскому состоянию, шпаги объявляется высочайшее повеление, дарующее ему жизнь» - п. 7 ст. 963 Устава уголовного судопроизводства от 24 ноября 1864 г. // Российское законодательство… Т. 8. Судебная реформа. С. 213.Н.Таганцев отмечал, что политическая смерть указывалась как наказание, но не определялась и в некоторых указах Петра I; в указе Сената 29 марта 1753 г. говорится, что политической смертью должно именовать то, ежели положен кто будет на плаху, взведен на виселицу, а потом наказан будет с вырыванием ноздрей или хотя и без

деяниях понятия, не подлежат наказаниям за преступления и проступки: они отдаются родителям, опекунам или родственникам, для вразумления и наставления их впоследствии». Конкретного ответа на вопрос: «С какого возраста наступает уголовная ответственность?» Уложение не дает. Однако, Н. С. Таганцев и А. Лохвицкий, сопоставляя содержание ст. 100 и ст. 143 (по буквальному смыслу, рассматривающей малолетство в возрасте от 7 до 10 лет как обстоятельство уменьшающее вину и строгость наказания), пришли к выводу, что практические Уложение вводило наступление ответственности с десятилетнего возраста[1]. Статья 143 давала также суду право устанавливать, с разумением или без разумения действовал малолетний в возрасте от 10 до 14 лет. Если выяснялось последнее, то наказание не определялось, а дети отдавались родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра. Надо сказать, что постановка вопроса о действии малолетнего в разумении или без него была характерна уже для Свода законов (ст. 125) и типична для многих западноевропейских кодексов того времени (например, французского 1810 года). В известном смысле эта норма Уложения (ст. 143) – прообраз ч. 3 ст. 20 УК РФ, введшего понятие «вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройст вом» и тем самым создавшим, как отмечает С.В. Полубинская, проблемную ситуацию в доктринальном и практическом смысле[2];

безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство. Практически здесь речь идет о невменяемости, впервые достаточно четко сформулированной в уголовном законодательстве России. Ранее (в Артикуле воинском и Своде законов) это понятие определялось менее четко, хотя и в Уложении причины, устанавливающие вменяемость, перечислены ограничительно;

всякого наказания, подвергнется токмо вечной ссылке. Цит.: по *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2.- М., 1994. С.142.

[1]См.: *Н.С. Таганцев.* Лекции по русскому уголовному праву. Вып. СПб., 1888. С. 442; *А. Лохвицкий.* Курс русского уголовного права. СПб., 1867.С. 96.

[2] См.: Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. *Жалинский А.Э.* М., 2005. С.85

ошибка случайная или вследствие обмана;

принуждение от превосходящей непреодолимой силы. Опасность при этом должна быть неотвратимой и непреодолимой. В качестве примеров крайней необходимости можно привести ст. 1664 Уложения, не устанавливав шей наказание для владельца корабля, в условиях крайнего недостатка съестных припасов взявшего их на встречном судне (даже против воли и согласия владельца корабля) и ст. 1671, освобождавшей от наказания владельца корабля, сбросившего груз в море в условиях крайней необходимости или измени вшего маршрут следования в связи с бурей. Это понятие достаточно близко современному пониманию крайней необходимости;

необходимая оборона. Право обороны стоит в зависимости от важности блага, на которое было направлено посягательство.

Последующие статьи раскрывают содержание каждого из перечисленных обстоятельств, устраняющих наступление уголовной ответственности, и свидетельствующих о сближении их с современными нормами о необходимой обороне и крайней необходимости, а может быть и в чем-то их и превосходящих. Например, ст. 108 Уложения содержит следующий четкий императив: «*Оборона также признается необходимой и со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь*».

Статьи 110-151 говорят об основаниях определения *меры наказания* (как уголовного, так и исправительного). В ст. 110 указывается в общей форме, что факторами, могущими повлиять на определение размера наказания, являются форма вины, стадия совершения преступления, виды соучастия, различные обстоятельства, смягчающие и отягчающие вину.

Уложение допускает назначения наказания и по *аналогии,* "*если в законе за подлежащее рассмотрению суда преступное деяние нет определенного наказания»* (ст. 155), то он приговаривает виновного к наказанию, установлен ному за сходное преступление. Приговор при этом должен был представляться (до приведения его в действие) на рассмотрение Правительствующего сената.

Отдельная глава – четвертая – регулирует вопросы о смягчении наказания, об отмене наказания, о порядке возмещения убытков, о помиловании, которое было прерогативой императора. При этом последствия наказаний (правопоражение) отменяются лишь в случае, прямо предусмотренном указом о помиловании или общем указе об амнистии.

Завершается первый Раздел, следовательно, и Общая часть, главой пятой, определяющей пределы действия Уложения не только в пространстве, но и по кругу лиц (некоторые инородцы, военнослужащие, иностранцы), т.е. такие принципы действия уголовного закона, как *территориальный и гражданства*. В частности, Уложение в редакции 1845 г. не распространялось на Польшу (в 1876 г.в ней было введено Уложение в редакции 1866 г. – ПСЗ 2-е изд., т. LI, отд. 2-е) и Финляндию, его действию не подлежали некоторые народы России (например, чукчи и другие сибирские народы).

Статьи 179-181 устанавливают ответственность российских подданных, находившихся вне пределов государства, как совершивших преступления против Российского государства или его подданных до отъезда за рубеж, так и совершивших такого рода деяния за границей. Статья 179 предполагала возможность выдачи указанных лиц иностранными правительствами для суда над ни ми в России. Хотя и в то время общепризнанным принципом международного права уже был принцип невыдачи политических преступников. Царскому правительству позднее удалось добиться изменения этого положения при заключении ряда международных договоров[1].

Системно-образующим основанием *Особенной части Уложения* (разделы II - XII) выступает объект посягательства.

На первом месте традиционно (начиная с Соборного Уложения 1649 года) находились *преступления против веры*, которые составляли сравнительно незначительную часть. Хотя вместо 37 статей о преступлениях против веры в т. XV СЗ РИ, в Уложении о наказании 1845 г. их было уже 81 (ст. 182-

[1] См.: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 годы. М., 1978. С. 57, 58.

262). Закон защищал религиозные устои Российской империи, со ставную часть ее общественного и государственного строя. Среднегодовое число осужденных против веры, например за 1860-1867гг. составило 1 506 человек, - это 1,8% от общего числа осужденных[1]. В 1894-1903 гг. за религиозные преступления осуждено 4671 человек, в 1904-1913 гг. - более 8000 человек[2].

Глава первая - «*О богохулении и порицании и порицании веры*» (ст. 182-189). Эти нормы защищали не веру как таковую, а религиозные устои государства, права и привилегии христианской церкви в целом, и русской православной в особенности. Субъектом богохуления является всякий российский подданный и иностранец, независимо от вероисповедания, несмотря на то, что ст. 45 Основных законов провозглашала право каждого исповедовать веру «праотцев своих[3].

Глава вторая – «*Об отступлении от веры и постановлений церкви*» включает три отделения: «*Об отвлечении и отступлении от веры*» (ст. 190-205), «*О ересях и расколах*» (ст. 206-217), «*Об уклонении от исполнения постановлений церкви*» (ст. 218-222). Исходя из политического кредо российского монархизма – самодержавие, православие, народность – на практике это означало полное бесправие народа под властью не только самодержавия, но и православной церкви. В этом наглядно убеждает нас статистика осужденных по сословиям в 1860 и 1863 гг. Всего в указанные годы было осуждено за преступления против религии 1765 и 1123 человека, из них крестьян временнообязанных, казенных и удельных – 1514 и 886, на втором месте мещане и цеховики – 144 и 91, соответственно[4].

Глава третья – «*Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния*» состоит из трех отделении: «*Об оскорблении святыни и духовных*

---

[1]См.: Военно-статистический сборник, вып. IV, С. 904, цит. по: *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., Изд.-во Моск. ун-та, 1980. С.16.

[2] См.: *Струмилин С.Г.* Бог и свобода. М., 1967. С. 37.

[3] См.: СЗ РИ. Т. I.. ч.1.

[4] См.: Статистический временник Российской империи, ч. 1. СПб., 1866. С. 19, цит. по: *Остроумов С.С.* Указ. соч. С. 19.

лиц во время священнослужения» (ст. 223-230), «*О нарушении багочиния во время священнослужения в церквах*» (ст. 231-236) и «*О нарушении благочиния во время священнослужения вне церкви*» (ст. 237-240). Объект уголовно-правовой защиты нормами данной главы сложный – и основы религиозного строя, поскольку эти преступления являются проявления крайнего неуважения к христианской религии, и общественный порядок.

Глава четвертая – «*О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел*» (ст. 241-257). До Свода законов, русское право рассматривало святотатство (*святотатьбу*), т.е. церковные кражи, не в качестве религиозного преступления, а как квалифицированный вид кражи. Составители Уложения, включив татьбу из церкви в группу религиозных преступлений, пошли по пути, предложенному М.М. Сперанским. Русские дореволюционные юристы также указывали, что святотатство - это искусственный состав преступления, поскольку посягает не на религиозные, а на имущественные отношения[1].

Завершает раздел II глава пятая – «*О лжеприсяге*» (ст. 258-262). Глава имеет в виду только присягу, данную с соблюдением процессуальных норм в судебном заседании или на предварительном следствии.

Раздел третий Уложения посвящен государственным преступлениям и включает две главы: «*О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского двора*» (ст.263-270) и «*О бунте против власти верховной*» (ст. 271-282). По существу он заменил собой раздел третий т. XV, книги 1 СЗ РИ практически с аналогичными составами преступлений. Составители пытались учесть опыт репрессивных мер в отношении декабристов, другие формы вооруженных выступлений против власти, характерные для первой половины XIX века. Именно здесь получила дальнейшее уголовно-правовое закрепление такая форма соучастия, как преступное сообщество. В ст. 264 говорится «*Злоумышление во всех вышеозначенных видах*

[1] См.: Российское законодательство… Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. С.344; *Есипов В.В.* Грех и преступление, святотатство и кража. СПБ., 1894. С. 190.

по читается действительно преступлением не только в случае, когда виновным сделано уже покушение для приведения своих преступных намерений и исполнение, но и тогда, когда он, чрез предложение другому принять в них участие, или через составление на сей конец заговора или сообщества, или через вступление в такое сообщество или заговор…».

Появился новый состав преступления – составление и распространение письменных или печатных сочинений или изображений с умыслом возбудить неуважение к верховной власти или к личным качествам государя, возбудить недовольство системой управления в стране (ст. 267). Наказуемы и аналогичные деяния, совершенные против наследника престола, супруги императора и членов императорского дома. Статьи 275-282 указанного раздела составляют в его второй главе второе отделение – «*О государственной измене и преступлениях против народного права*». Народным правом в соответствии с «теорией официальной народности» в то время именовался государственный суверенитет. Статьи 281, 282 впервые в истории российского законодательства предусматривают ответственность за действия, которые могли привести к разрыву отношений с дружественным государством или осложнению дипломатических отношений с ним. Вместе с тем составителям не удалось объединить все составы государственных преступлений в один раздел; некоторые из них содержались в разделе четвертом (ст. 333, 347) пятом (ст. 455) и др.

На третьем месте Особенной части – преступления и проступки против порядка управления (раздел IV). В нем семь глав: «*О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям*» (ст.283-300); «*Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности*» (ст.301-316); «*О самовольном присвоении власти и о составлении указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг*» (ст.317-329); «*О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков*» (ст.330-334); «*О взломе тюрем, уводе и побеге находящихся под стражею или надзо-*

ром» (ст. 335-346); «*О тайных обществах и запрещенных сходбищах* » (ст.347-353) и «*О недозволенном оставлении отечества*» (ст.354-357).

Уложение усовершенствовало систему преступлений против порядка управления в сравнении со Сводом законов, однако и здесь она не свободна от недостатков. По ст. 347-353 наказывались основатели разного рода тайных обществ, и члены их, а также лица, знавшие и не сообщавшие о них правительству. Но поскольку санкции большинства из этих статей были ссылочные, это не позволяло в полной мере применять по указанным в них составам особый порядок судопроизводства, предусмотренный для дел о государственных преступлениях. Необходимость усиления борьбы с тайными сообществами привела к принятию в марте 1867 г. нового закона о тайных обществах[1].

С позиций юридического оформления, законодательной техники, нормы этого раздела отличаются излишней казуальностью, сложностью, запутанностью и противоречивостью, несоразмерностью санкций тяжести содеянного. Хотя, как отмечает А.В. Наумов, строгости наказания «за недозволенное оставление отечества» (ст. 354 Уложения предус матривает за это деяние наказание в виде лишения всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию, или в случае самовольного потом возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение) «меркнут после сравнения их с наказаниями «за оставление отечества» в советские времена (по всем трем советским российским уголовным кодексам - УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. – бегство за границу и невозвращение из-за границы полагалось не только длительное тюремное заключение, но и смертная казнь)»[2].

В этом же разделе установлена ответственность за деяния, препятствующие осуществлению правосудия и деятельности полицейских властей.

Пятый раздел Уложения – «*О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной*» - устанавливает ответственность за долж-

[1] См.: ПСЗ РИ. 2-е изд., т. XLII, отд. 1-е, № 44402.
[2] См.: *Наумов А.В.* Указ. соч. С. 87.

ностные преступления и проступки. Видимо, составители Уложения в качестве объекта должностных преступлений усматривали служебный долг, если иметь в виду, что в данном разделе объединены и должностные преступления, и дисциплинарные поступки. Раздел состоит из одиннадцати глав: «*О не исполнении указов, предписаний и законных требований*» (ст. 358-366); «*О превышении власти и противозаконном оной бездействии*» (ст. 367-379); «*О противозаконных поступках должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества*» (ст. 380-389); «*О подлогах по службе»* (ст. 390-393); *«О неправосудии*» (ст. 394-400); «*О мздоимстве и лихоимстве*» (ст.401- 413); «*О нарушении установленных при вступлении в должность и оставлении оной правил*» (ст. 414-418); «*О нарушении порядка при определении на службу и к должностям и при увольнении от оных*» (ст. 419-422); «*О преступлениях и проступках в сношениях между начальниками и подчиненными*» (отделения - «*О нарушении долга подчиненности*» (ст. 423-428), «*О нарушении порядка в отношении к подчиненным*» (ст. 429-434), «*О слабом за подчиненными надзоре*» (ст. 435-440); «*О медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка в отправлении должности*» (ст. 441-455); «*О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы*» (отделения: «*О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде*» (ст. 456-464), «*О преступлениях и проступках чиновников по делам межевым*» (ст. 465-474), «*О преступлениях и проступках чиновников полиции*» (475-488), «*О преступлениях и проступках чиновников крепостных дел и нотариусов*» (ст. 489-498), «*О преступлениях и проступках казначеев и вообще чиновников коим вверено хранение денежных сумм*» (ст. 499-513) «*О противозаконных поступках чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи*» (ст. 514-533).

Не трудно заметить, что наряду с ответственностью за такие деяния, как неисполнение указов, предписаний, подлоги по службе, мздоимство и лихоимство и т.п., что органично для данного раздела, с ними «сосуществуют» и

нормы о нарушении долга подчиненности, о слабом за подчиненными надзоре, о медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка а отправлении должности и т.п.

В связи с актуальностью борьбы с коррупций среди чиновного люда, уместно пристально взглянуть на нормы Уложения о *мздоимстве и лихоимстве.* Под *мздоимством понималось* принятие чиновником или иным лицом, состоявшим на службе государственной или общественной, «*хотя и без всякого в чем-либо нарушения*» своих обязанностей «*подарка, состоящего в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином*». Оно наказывалось денежным взысканием «*вдвое против цены подарков*», а также и «*отрешению от должности*». Такому же наказанию подвергается и тот, кто «*примет сего рода подарки через других, или дозволит жене своей, детям, родственникам, домашним или кому-либо иному принимать их*» (ст. 401).

Значительно строже – «*к потере всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного до трех лет»* - наказывалось *лихоимство,* т.е. принятие чиновником в дар денег, вещей «*или что иное, сколько бы, впрочем, сумма денег или цена вещей, им полученных, ни была малозначительна*» за «*учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы*». В ряде статей об ответственности за лихоимство при описании его различных проявлений употреблялось и понятие «взятка». Высшей степенью лихоимства почиталось вымогательство, открытый перечень форм (способов) которого, излагается в ст. 406.

Наказанию подлежали как содействовавшие мздоимству или лихоимству лица, в кА ком бы то ни было виде, так и взяткодатели (*лиходатели*), изобличенные в склонении чиновников к этому (ст. 413).

В силу ограниченности объема настоящего издания, характеристика остальных разделов Особенной части Уложения о наказаниях сведена, в основном, лишь к указанию названия их глав и отделений.

Раздел шестой – «*О преступлениях и проступках против постановлений о повинностях государственных и земских*» (ст. 534- 580) – включал две главы: «*О преступлениях и проступках против постановлений о повинности военной службы*» и «*О нарушениях постановлений о повинностях земских*».

Раздел седьмой – «*О преступлениях и проступках против имущества и доходах кА зны*» (ст. 581-1006) - имел девять глав: «*Положения общие»; «О на рушениях уставов монетных*»; «*О нарушении уставов о гербовой бумаге»*; *«О нарушении уставов горных*»; «*О нарушении уставов о соли*»; «*О нарушении постановлений по питейному сбору и акцизу*»; «*О нарушении уставов о выделке и продаже табака*»; «*О нарушении уставов таможенных*» и «*О нарушении уставов о казенных лесах*». Он содержал многочисленные составы преступлений и проступков, которые по современной классификации относятся к хозяйственно-экономическим преступлениям (их аналоги, например фальшивомонетничество, контрабанда) представлены в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономики»). А чаще, по существу, они являлись административными правонарушениями (например, правонарушения, связанные с питейным сбором и акцизом, выделкой и продажей табака и др.). Аналогичны им и установленные наказания – штрафы, конфискация водки, спирта и т.д.

Раздел восьмой – «*О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния*» - самый объемный (ст. 1007-1851), состоял из четырнадцати глав: «*О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие*»; «*О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия*»; «*О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений*»; «*О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений*»; «*О нарушении постановлений о цензуре»; «О нарушении постановлений о воспитании юношества*»; «*О нарушении правил благоустройства и хозяйства в городах и селениях*»; «*О нарушении правил Устава строительного*»; «*О нарушении правил осторожности от пожаров*»; «*О на-*

рушении правил, установленных для сохранения путей сообщения»; «*О нарушении уставов почтовых*»; «*О нарушении постановлений о кредите*»; «*О нарушении уставов торговых*»; «*О нарушении уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности*».

Нормы этого раздела также характеризуются удивительной, образно говоря, «чересполосицей». Здесь присутствуют составы и хозяйственно-экономические, и против здоровья и нравственности населения, и транспортные, и экологические и некоторые другие виды преступлений и проступков.

В нем причудливо сосуществуют статьи об ответственности за создание сообщества для преступлений государственных, о появлении «*в публичных местах или многочисленных собраниях... в безобразном, противном приличию…виде*», «*пьяным до беспамятства*» и об ответственности за явное неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, «*за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателями сих заведений времени, для того чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы…*».

Многие административные правонарушения, содержащиеся в этом разделе, указывались в статьях о нарушении Уставов врачебных, о нарушении правил о воспитании юношества и благочиния, содержались и в ряде других разделов Уложения. Например, ст. 792 – «*Кто из продавцов табаку будет разрезывать картузы курительного и нюхательного табаку для продажи оного в таком виде, тот за сие подвергается взысканию: в первый раз 5 руб.; во второй – 10 руб.»,* ст. 954 – «*За выпуск без надлежащего дозволения скота на пастьбу в казенный лес взыскивается за каждую козу по 50 коп…»*, а также ст. 1819 – «*Те, которые получив свободу из помещичьего владения по судебному решению, в течение одного года со дня объявления им сего решения не примкнутся ни к какому званию, подвергаются…денежному взысканию по 10 руб. за каждое из принадлежащих к семейству их лицо…*».

Поучительна в борьбе с современными магами и целителями, спекулирующими на суеверии и людской доверчивости[1], статья 1159. Она устанавливает наказание в виде заключения в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года за действия тех, «*кто ради корысти, устной славы или другой личной выгоды будет разглашать или велит разгласить подложно о каком-либо, будто бы случившемся чуде или же посредством подлога какое-либо свое или по распоряжению его приготовленное выдавать легковерным за чудо…*».

В этом же ключе можно рассматривать опыт борьбы с преступлениями против нравственности, выражающихся в «соблазнительном и развратном по ведении» и в «противоестественных пороках». В данном разделе они представлены более двадцатью составами.

Раздел девятый – «*О преступлениях и проступках против законов о состоянии*» (ст. 1852-1919) – состоял из следующих шести глава: «*О незаконном лишении прав состояния*»; «О *присвоении прав состояния или особого оных преимуществ или же звания, или почетных достоинств, титулов и иных отличий*»; «*О нарушении прав и преимуществ, дарованных высочайшею властью разным в государстве состояниям*»; «*О злоупотреблении особых по состоянию присвоенных прав*»; «*О нарушении постановлений об актах состояния*»; «*О нарушении постановлений о народной переписи*».

Этот раздел – «образец» отсутствия четкого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. Он объединил статьи, устанавливающие ответственность крепостных крестьян «*за подачу на помещиков своих воспрещенной законом жалобы*», за сочинение крестьянами под ложных отпускных, за самовольный переход от одного владельца к другому, и статьи, устанавливавшие наказания «*за оставление места дворянского съезда прежде действия оного*», за неявку к исполнению должности из-

[1] См.: *Федосенко В.* Грабовой остается под стражей. Сообщается, что Грабовой объявил себя целителем и обещал, в частности, воскресить детей, погибших при теракте в Беслане. Ему предъявлено обвинение в хищении денежных средств граждан, путем мо-

бранного на нее дворянина, «*за оставление заседания общества городского и сельского прежде закрытия оного*» и т.п.

Раздел десятый – «*О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести*» (1920-2039) - имел девять глав: «*О смертоубийстве*»*;* «*О самоубийстве*»; «*О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью»; «О поединках*»; «*О произвольном оставлении человека в опасности и неоказании ему помощи*»; «*О оскорблениях чести*»; «*О противозаконном задержании и заключении*»*;* «*О нападении с насилием*»; «*О угрозах*».

Раздел одиннадцатый – «*О преступлениях против прав семейственных*» (ст. 2040-2093) – включал четыре главы: «*О преступлениях против союза брачного*»; «*О злоупотреблении родительской власти и о преступлениях детей против родителей*»; «*О преступлениях против союза родственного*»; «*О злоупотреблении власти опекунов и попечителей*».

Раздел двенадцатый – «*О преступлениях и проступках против собственности частных лиц*» (ст. 2094-2224) – имел пять глав: «*О насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захватах и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и о истреблении граничных меж и знаков*»; «*О истреблении и повреждении чужого имущества*»; «*О похищении чужого имущества*»; «*О присвоении и утайке чужой собственности*»; «*О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам*».

Уложение завершалось Приложениями - о лицах, изъятых от наказаний телесных; о неизлечимых болезнях, освобождающих виновного от телесных наказаний; об обязательном медицинском освидетельствовании «безумных и сумасшедших, учинивших смертоубийство», и в случае признания их действительно таковыми – в направлении их в «дома умалишенных»; о допущении изъятий и ограничений из действия норм Уложения об ответственности за ряд преступлений и проступков для «инородцев», проживающих в Сибири,

---

шенничества под видом «воскрешения погибших родственников потерпевших или излечения их от тяжелых заболеваний» / РГ. 2006. 28 сент.

Архангельской, Оренбургской и Астраханской губерниях, Кавказском и Закавказском краях (за «менее важные преступления и проступки» последние несли ответственность по своим обычаям, а не по нормам Уложения).

Тексту Особенной части, как в прочем и Общей, свойственно неадаптированное заимствование отдельных положений из иностранных законодательств конца XVIII - первой четверти XIX вв., бланкетность многих норм, объединение в разделах норм о разнородных преступлениях, витиеват и язык Уложения. Оно устанавливало типичные для административной полицейской ответственности наказания – штрафы, кратковременный арест в помещениях при полиции с привлечением (мещан и крестьян) по распоряжению местного начальства к установленным правительством работам; выговор, замечание и некоторые другие, типично дисциплинарные взыскания, – за преступления и проступки по службе. Видимо, и не могло быть иначе – Уложение продукт своего времени, если иметь в виду еще не достаточный уровень развития юридической науки в стране, а может быть и желание самодержавия таким образом скрыть свои намерения.

Все недостатки Уложения о наказаниях Н.С.Таганцев сводит к трем: пол ная рознь принципов между отделами уложения и различия в самых взглядах на понятие о преступлении и на существенные условия наказуемости; отсутствие последовательно проведенного критерия для сравнительной оценки преступных деяний; отсутствие начал, действительно общих всему уложению, и потому формальное противоречие отдельных его постановлений. Он отмечал и ряд других «первородных грехов» Уложения: его «невероятную многостатейность», превышавшую по числу статей в четыре раза любой из современных ему кодексов; невыдержанность юридической терминологии и, самое главное, неприложимость на практике «лестницы» наказаний, запро-

ектированной составителями; резкое стеснение свободы судей при определении меры наказаний и др.[1].

Очевидно, Уложение о наказания не может быть охарактеризовано однозначно. Правы те исследователи, которые констатируют, что именно в первой половине XIX века была окончательно оформлена как в целом система российского права, так и ее наиболее значимые отрасли, в том числе и уголовное право, дожившие в своей основе до последних дней российского самодержавия[1].

Практика применения Уложения вскоре высветила всю гамму его противоречий, показала несовершенство организации судебной деятельности в России. Наряду с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных уголовно-правовые нормы имелись в уставе о ссыльных, уставе о содержании под стражей, воинском и военно-морском. Карательные установления содержали в себе и некоторые уставы казенных управлений и промышленности - таможенный, акцизный и др. Карательные церковные законы, применяемые церковно-судебной властью, заключались в уставе духовных консисторий, в Кормчей книге (сборнике церковных канонов) и в духовном регламенте.

В 1863 г. был издан указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» (речь шла об отмене, с некоторыми оговорками, телесных наказаний, наложении клейм и штемпельных знаков). В 1864 г. проведена судебная реформа - наиболее последовательное из всех преобразований 1860-1970 гг. Утвержденные в ноябре 1864 г. новые Судебные уставы вводили независимый суд, состязательность процесса (подсудимых в суде защищал адвокат), публичность и гласность при рассмотрении дел и вынесении приговора. Вместе с Судебными уставами был принят и **Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года,** как отдельная их часть.

---

[1] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Том. I. СПб., с. 221; Российское законодательство….Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С.242.

Устав - это сборник уголовных законов о преступных деяниях, подведомственных мировым судьям и равным им по власти судебным установлениям и лицам (земские начальники, городские судьи, полковые и экипажные суды и т. п.). Хотя запрещенные им под страхом наказания деяния именуются проступками, но по тексту Устава они называются также «преступными деяниями» (ст. 12, 181 и др.)[2], привлеченный к ответственности за «проступки» называется «подсудимым», ему выносится «приговор», после чего он становится «осужденным». И если иметь ввиду серьезность наказания установленного за них Уставом (до года тюремного заключения), то нет основания говорить, что им декриминализировано большое число преступлений, ранее предусмотренных Уложением о наказаниях.

Он издавался трижды, последнее издание 1885 г. В издании 1864 г. было 13 глав и по нумерации 181 статья. В последующих изданиях сохранялась нумерация первого из них, а новые узаконения включались с особыми обозначениями (30^1, 104^1, 104^2 и т. д.)[3], поэтому в действительности число статей в них было больше.

Как в отношении технической обработки постановлений, так и по разрешению вопросов общей части устав стоит значительно выше Уложения. Ему неизвестна лестничная система наказаний; обстоятельства, уменьшающие вину, перечислены в нем не исчерпывающе, а примерно; гораздо совершеннее его определения о совокупности, повторении, об участии и т. п. Устав выстроил систему норм об ответственности за отдельные преступные деяния по объекту посягательства (против порядка управления, общественного благоустройства, личной безопасности и др.).

Его статьи изобилуют отсылочными и бланкетными нормами. Целые главы определяют наказания за нарушения других уставов (о паспортах,

---

[1] См.: Российское законодательство… Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. С. 21.

[2] Ссылки на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года даются по: Российское законодательство… Т. 8. Судебная реформа. С. 386 - 462.

[3] Подобный прием применялся в последующих редакциях Уложения, к нему прибегал отечественный законодатель в о всех редакциях УК РСФСР и РФ.

строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного). Поэтому Устав издавался с приложениями нормативно-правовых актов, упомянутых в нем.

Эти новеллы создали, однако, двойственность законодательства, вызывающую на практике крайние недоразумения и затруднения, поскольку они не являлись *lex posterior derogat priori* (позднейшим законом отменявшим более ранний). Поскольку оба акта регулировали преступные деяния, отличающиеся не родовыми, а видовыми признаками, суды высшей подсудности нередко применяли одновременно к одному и тому же лицу и Уложение и Устав (например, при осуждении за убийство и простую кражу), а суды низшей подсудности обязаны были иногда судить по Уложению о наказаниях (за нарушение уставов казенных управлений, о повинностях, торговле и промышленности).

Устав вообще не знает телесных наказаний, в то время как таковые хотя и сокращались, но предусматривались в другом законодательстве. В волостных судах, рассматривавших аналогичные деяния, телесные наказания сохранились до 1904 г.

Устав исходил из принципа равенства, а Уложение 1845 г. из правового неравенства, и, следовательно, подлежало изменению в этом отношении. Хотя и в Уставе о наказаниях в определенной мере сословные различия сохранились. Так, ст. 8 Устава устанавливала, что «*Несостоятельные к уплате де нежных взысканий крестьяне и мещане могут быть отдаваемы в общественные работы…Несостоятельные лица других сословий отдаются в общественные работы или в заработки только в случае собственной их о том просьбы*».

В 1865 г. было принято специальное постановление о согласовании Уложения и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Уложение о наказания уголовных и исправительных в редакции 1866 года учло указанные новеллы. Оно исключило телесные наказания из общего перечня наказаний, хо тя и с оговорками упомянутого выше Указа

1863 года. Статья 78 Уложения устанавливала порядок, по которому «в случае явной не возможности подвергнуть виновных ни заключению в рабочем доме, ни в тюрьме оно может для лиц, не изъятых по закону от наказаний телесных, быть заменено наказанием розгами в следующей постепенности:

1) Заключение на время от одного года и четырех месяцев до 2 лет - наказанием розгами от 80 до 100 ударов.

2) Заключение от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев – наказанием розгами от 760 до 80 ударов» и т.д.

С аналогичными оговорками в ст. 82 содержалось положение о возможности замены краткосрочного ареста для лиц, не изъятых от телесных наказаний, наказанием розгами.

В связи с проведением в середине XIX в. реформы полиции, крестьянской и судебной реформы были предприняты изменения в карательной политике. В частности, была сделана попытка более четкого разграничения ответственности административной и уголовной. Из новой редакции Уложения были исключены статьи, устанавливавшие ответственность крепостных крестьян, многие статьи исключены или введены в Устав о наказаниях, в различные отраслевые законы, например, Устав о казенных лесах, Питейный устав и др. В итоге из него было изъято 652 статьи о маловажных преступлениях и проступках; в Уложении редакции 1866 года осталось 1711 статей[1].

Устав о наказаниях предусматривал ответственность только за проступки, поэтому исключение из Уложения о наказании статьи 1 и 2 о понятии пре ступление и проступок создало проблемную ситуацию. Сами термины *«преступление»* и *« проступок»* в тексте остались, но в нем не было общего определения их различия[1].

Внутренняя политика Александра III, вступившего на престол после убийства народовольцами его отца, Александра II, сочетала опору на прин-

[1] См.: Российское законодательство… Т. 6. Законодательство первой половины XIX века.. С. 172.

ципы самодержавия с модернизацией социально-экономического уклада страны. Время его правления получило название эпохи «контрреформ», которые противопоставлялись «Великим реформам» императора Александра II. Главной задачей Александр III считал наведение в стране «порядка» в соответствии с российскими государственными традициями. Просьбы общественных деятелей о помиловании убийц отца он расценил как «неприличные» (пятеро террористов были публично казнены). Для усиления местной власти Александр III 15 августа 1881 г. издал Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»[2]. Губернаторы получали право передавать в военный суд дела о государственных преступлениях и утверждать приговоры по ним, создавать сверхштатные военно-полицейские команды, задерживать любое лицо сроком до 3 месяцев и ряд других экстраординарных полномочий. Для борьбы с террористами 3 декабря 1883 г. издал Положение «Об устройстве секретной полиции в империи», в соответствии с которым создана сеть секретно-розыскных отделений, получивших позднее наименование охранных отделений. Создано Особое совещание для рассмотрения дел о политической неблагонадежности, заводских и крестьянских беспорядках, сектанта[3]. Учрежденное им в 1885 г. Высшее дисциплинарное присутствие из сенаторов, получило право перемещать и даже заменять судей, чем был нарушен принцип их несменяемости. В 1887 г. министру юстиции предоставлено право запрещать публичное рассмотрение в суде отдельных категорий дел; значительная категория дел изъята из ведения суда присяжных, а позже (7 апреля 1894 г.) Александр III рас-

---

[1] Такое «обрезание», по образному выражению исследователей, внесло «решительную темноту в вопрос о различии преступлений и проступков» // *Лохвицкий А*. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 34.

[2] СЗ РИ. 1992. Т. XIV. Прил.1.

[3] В 1881-1888 гг. им решено 2872 политических дела, а судебными органами за этот период – 224 дела. Всего за 1880-1890 гг. за антигосударственные действия осуждено около 4 тыс. человек (из них 17 человек казнено) / Большая Российская энциклопедия. Т. «Россия». С.352.

порядился начать пересмотр судебных уставов[1]. Эти и другие политико-правовые шаги самодержавия обусловили приспособление к ним правовой системы, продолжение кодификации уголовного законодательства.

Очередная редакция **Уложения о наказаниях появилась в 1885 году.** От предыдущего издания она отличалась новыми составами об ответственности за государственные преступления и за преступления и проступки против порядка управления, выражающиеся в сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении властям. Последние стали адекватной реакцией самодержавия (понимающего, что уголовное право может стать эффективным защитником его устоев), на новые явления в социальной жизни пореформенной России – рабочее движение, крупные акции революционно настроенной молодежи и т.п., проявлявших неудовольствие внутренней политикой «полицейского государства»[2].

Например, была установлена ответственность «*за распространение сочи нений, возбуждающих к восстанию против власти верховной…среди войска*». Расширена ответственность за стачки, за участие «*в публичном скопище*». Исключены некоторые статьи, устанавливающие фактически административную ответственность за нарушение положений некоторых специальных уставов.

Внесены изменения в систему мест лишения свободы; Положением о каторге внесенном в Уложение, каторжные работы определялись в зависимости от рода преступления и меры вины в «следующей постепенности»:

Степень 1. Без срока; Степень 2. На время от 15 до 20 лет; Степень 3. На время от 12 до 15 лет; Степень 4. На время от 10 20 лет; Степень 5. На время

---

[1] См.: Устав уголовного судопроизводства. Ст. 620-621 / СЗ РИ. 1892. Т. XVI; Закон от 7 июля 1889 г. «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» // ПСЗ РИ. 3-е изд. Т. IX. № 6162; Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Всеподданнейший доклад Н.В. Муравьева о пересмотре законоположений о судебной части. Т.I. Прил.1, СПб., 1900. С. 65.

[2] Подр. см.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1991; *Балуев В.П.* Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996 и др.

от 8 до 10 лет; Степень 6. На время от 6 до 8 лет; Степень 7. На время от 4 до 6 лет.

Не смотря на революционные потрясения конца XIX начала XX вв., Уложение о наказаниях в редакции 1885 г. (с перманентной корректировкой) продолжало действовать до установления в России советской власти.

Уголовное уложение 1903 года - это последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт в области материального уголовного права Российской империи. Можно говорить о целом комплексе обстоятельств, побуждающих многолетнюю работу над ним[1]. Не ставя задачу определить их иерархию, укажем на некоторые из них.

Мысль о необходимости полного пересмотра Уложения 1845 года высказывалась правительственными сановниками уже в начале 70-х годов; она пря мо формулировалась в процессе обсуждения основных положений преобразования судебной системы в России.

Очевидно, укрепляющая свои позиции российская буржуазия понимала, что в неизменном виде уголовное законодательство было не только не эффективно, но и прямо начинало мешать проведению в жизнь судебно-охранительных функций. Комиссия, готовившая проект нового Уложения,[2] констатировала «несоответствие и неполноту законов, охраняющих государственный и общественный строй … в области посягательств на государство

---

[1] Мы не касаемся поучительного для современного законодателя вопроса об истории разработки Уголовного уложения 1903 года. Библиография по этой теме насчитывает не один десяток источников. См., напр.: *Евангулов Г.Г.* Уголовное уложение. СПб., 1903; Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. Изд. Гос. Канцелярии. СПб. 1910; *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. Пг. 1915; *Бал бин В.А*. К истории Уголовного уложения 1903 г. в России // Вестник ЛГУ. 1977. № 11, Экономика, философия, право. Вып.2.; *его же,* Основные тенденции развития уголовного законодательства России в 1861-1881 гг.// Правоведение, 1977. № 3; *Фецыч Г.В.* К вопросу подготовки и издания Уголовного уложения 1903 г.// Проблемы правоведения. Вып. 41, Киев, 1980 и др.

[2] В состав редакционной комиссии, во главе с товарищем министра юстиции Э.Ф. Фришем, вошли члены учрежденного 30 апреля 1881 г. Александром III особого комитета для составления проекта нового Уголовного уложения, в том числе известные юристы - Н.А.Неклюдов, Е.Н. Розин, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский, которые вы полнили основную часть работы по подготовке первоначального проекта Уложения, продолжавшуюся 13 лет. Они представляли разные направления науки уголовного.

и его строй существенно изменились средства и приемы сих посягательств, а отчасти и само направление преступной деятельности, в силу чего постановления Уложения 1845 г. оказались не соответствующими новым преступным формам скопищ и сообществ, недостаточными для борьбы с социально-революционной пропагандою»[1].

Во-вторых, в стране существенно возросла по сравнению с серединой XIX века преступность, изменилась ее структура, отражающая неблагоприятную динамику народного волнения[1].

Серьезными стимулирующими факторами являлись существенные изменения в юридической науке вообще и криминалистической в особенности. Понимание фундаментального значения права для развития страны, не только, как совокупности норм, сколько сложившегося в стране правопорядка, т. е. фактических юридических отношений, выгодно отличало российскую научную правовую мысль от многих влиятельных идеологичес ких течений того времени: славянофильства, с позиции которого право - это «продукт Запада» и потому оно вредно для России, идущей по особому историческому пути; толстовства, полагавшего, что «жить надо не по закону, а по совести»; русской идеалистической философии, для ведущих представителей которой бытие русского народа призваны определять более высокие духовные ценности, нежели право; революционного марксизма, считавшего право орудием классового господства, не имевшего исторической перспективы, и т.п. В начале XX в. юридическая наука была вполне готова к широкой кодификации основных отраслей права, в том числе уголовного. Об этом свидетельствуют подготовленные проекты, не ставшие законом, призванные заменить устаревший Свод Законов.

В науке уголовного права того периода нашли отражение позиции как классической (Н.Д. Сергеевский, Н.С.Таганцев, В.Д. Спасович), так и социологической (И.Я. Фойницкий) школ. Российская наука уголовного права не

[1]См.: Журнал министерства юстиции. 1895. № 7. С. 51.

восприняла идеи социологической школы о превентивном наказании. Многие представители науки уголовного права были противниками смертной казни. Для уголовно-правовой науки было характерно широкое использование сравнительного метода при изучении всех институтов и проблем национального права, а также зарубежного права (труды Н.С. Таганцева).

У истоков основательной разработки русской науки уголовного права в собственном смысле этого понятия стоял В.Д. Спасович (1829-1906 гг.)[2]. В его учебнике уголовного права (т. I, часть Общая, СПб., 1863 г.), а также в обстоятельной работе "Новые направления в науке уголовного права» 1891 г., 1898 г. и др., дан анализ юридических понятий уже не в виде зарисовок, а содержательно и всесторонне обоснованно. В них произведен обзор важнейших философских теорий о существе преступного деяния и наказания. Автор выд вигал требования пересмотра архаического русского права, в целях его адаптации к новым, буржуазным отношениям, был противником крайне суровых наказаний, особенно смертной казни.

В шестидесятых годах появились научные труды Н.А. Неклюдова ("Уго ловно-статистические этюды", "Руководство для мировых судей", "Руководство к особенной части русского уголовно го права", "Конспект общей части" и др.), А.В. Лохвицкого ("Курс русского уголовно го права", 1867, 1871), Н. С.Таганцева ("О повторении преступлений", 1867, "О преступлениях против жизни по русскому праву", 1870-1871),"Об ответственности малолетних преступников", 1872), "Курс русского уголовного права", 1874- 1879), "Уложение и мировой устав с разъяснениями", выдержавшие до десяти изданий, и "Лекции по общей части уголовного права"(1871-1892 и др.), А.Ф. Кистяков-

---

[1] См.: *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1990 г.

[2] Хотя, как отмечалось еще в первой половине XIX в. по предмету уголовного права были известны работы Неймана ("Начальные основания уголовного права",1814), Герогляда ("Опыт начертания российского уголовного права", 1815), Цветаева ("Начертание теории уголовных законов", 1824), Гуляева ("Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений", 1826, 2 изд., 1830), С. Баршева ("Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях", 1841) и др.

ского ("Исследование о смертной казни", 1867, "Элементарный учебник общего уголовного права", 1875), учебники Л. Е. Владимирова и ряд др. работ.

Особо следует выделить работу Н.С. Таганцева "Лекции по общей части уголовного права", не потерявшей своей актуальности и для современного уголовного права[1]. Это энциклопедическое исследование общего учения о преступном деянии и наказании. Автор обстоятельно излагает все теории на уки уголовного права в их исторической последовательности. Определения русского уголовного права им разработаны с полной детальностью, как в историческом их развитии, так и в сопоставлении с определениями западных юристов (Германии, Франции и других стран) и т. д.

Преступное событие, по словам Н. Таганцева, - прежде всего юридическое отношение, и с этой точки зрения оно должно изучаться наукой уголовно го права. Отдавая должное внимание трудам по социологии преступления, Н.Таганцев возражал против соединения в одно целое социологического и юридического исследования одних и тех же фактов, поскольку они разнятся и по методам или приемам изучения, и по своим задачам или целями. Тем самым он предвидел необходимость самостоятельных криминологических исследований преступности. Н.Таганцев был ярым противником внесения в уголовное право уголовной антропологии, полагая, что антропологические исследования, изучение анатомических и патологических особенностей организма преступников, должны занять свое специальное место в группе наук биологических, а не юридических и, тем более, уголовного права. Из этих позиций он четко определял предмет уголовного права - изучение юридической конструкции преступных деяний и вызываемой ими карательной деятельности государства.

В девяностых годах появляются работы единственного, кажется, в России последователя антрополого-позитивного направления (итальянская школа) Д.А. Дриля ("Малолетние преступники", 1884; "Психофизические типы",

[1] В 1994 г. указанный труд Н.С.Таганцева был переиздан в издательстве «Наука» с обстоятельным вступительным очерком профессора Н.И. Загородникова.

1890, "Преступность и преступники", 1895 г.). Обстоятельному разбору положений итальянской школы посвящен двухтомный труд А. К. Вульферта "Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии" (1887 и 1893).

Своеобразное место занимали труды И. Я. Фойницкого ("Учение о наказании в связи с тюрьмоведением", 1889; "Ссылка на Западе в ее историчес ком развитии и современном состоянии", 1881; "Мошенничество по русскому праву", 1871 г.; "Посягательства на личность и имущество", 1893). Уголовное право, по его определению, есть наука о личном состоянии преступности. Его предмет есть не преступление, а преступность, т. е. состояние лица, вызывающее нарушение юридических отношений, охраняемых карой. Реши тельный противник ссылки, он принимал активное участие в деятельности пенитенциарных конгрессов (петербургском, 1890 г. и парижском, 1895 г.) и международного союза криминалистов.

Самостоятельное место занимают и работы Н.Д. Сергеевского: "О значении причинной связи в уголовном праве" (1880), "Наказание в русском праве XVII века" (1888) и "Русское уголовное право. Часть общая, пособие к лекциям" (1896). По общим своим воззрениям, Н. Сергеевский - последователь национально-исторического направления.

Из общих курсов уголовного права следует отметить и "Очерк русского уголовного права" Есипова (1894), из монографий - "О соучастии в преступлении" Г. Е. Колоколова (1881).

Особое значение для русской науки уголовного права имели "Объяснения редакционной комиссии к проекту уголовного уложения", изданные в восьми томах (1895г.). Хотя это официальное издание, имеющее целью служить обычной объяснительной запиской к проекту, но как по методу изложения, так и по содержанию «Объяснения» составляют работу строго научного характера. Они обстоятельно излагают историю отечественного уголовного законодательства, дают критическую оценку действующих законов в связи с семью западными кодексами, анализируют главнейшие теорий, содержат комментарии и замечания представителей судебной практики и собственные

выводы редакционной комиссии. Достойно сожаления, что эта работа - библиографическая редкость, составляющая достояние немногих библиотек и частных лиц[1].

Очевидно, успешное развитие русской юридической мысли, в т.ч. уголовно-право вой, обогатили теорию и практику основными понятиями, способствовали составлению законов. Так, благодаря положениям классической школы, уголовный закон подразделяется на части Общую и Особенную (хотя и не столь последовательно, как в настоящее время, например, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, чаще излагались лишь применительно к убийству или некоторым другим институтам Особенной части). Норма особенной части стала включать в себя диспозицию и санкцию (последние подразделялись на определенные, неопределенные и относительно-определенные), а общей части - гипотезу. Близкие к современному пониманию правила действия уголовного закона во времени, также установлены «классиками» уголовного права. Это касается и обратной силы уголовного закона. В части прекращения действия уголовного закона посредством специально изданного на этот счет закона, ими допускался и иной вариант отмены уголовного закона - путем постепенно устанавливающегося неприменения его. То есть, речь идет о юридическом обычае, когда под его влиянием действительность постепенно входит в противоречие с законом.

С классической школой связываются возможности разнообразного толкования уголовного закона: по субъекту – аутентичное, судебное и научное;

---

[1]В анализируемый период зарождалась и отдельная отрасль уголовного права - *право военно-уго ловное*. В общих курсах истории права и уголовного права, всестороннее научное освещение получили памятники Петровского законодательства, преимущественно "Артикул воинский", поскольку этот памятник имеет не только специально-военное, но и общее значение. Можно отметить работы Н.А. Неклюдова (Уголовно-статистические этюды" и перевод учебника Бернера, 1865 г.), М.П. Розенгейма ("Очерк истории военно-суд ных учреждений в России до кончины Петра Великого",1878 г.), П.О.Бобровского ("Военное право и Россия при Петре Великом, ч. 2, Артикул воинский", три выпуска, 1882, 1886 и 1898 гг.), В.Д. Кузьмина-Караваева ("Военно-уголовное право", вып. 1-й, 1895 г.; "Характеристика общей части уложения и воинского устава о наказаниях", 1890 г.).

по объему – распространительное и ограничительное; по приемам - грамматическое, логическое, догматическое, историческое и сравнительное.

При определении признаков преступления «классики» в различных вариациях придавали решающее значение формальному признаку – преступлением должно и может признаваться только деяние, предусмотренное уголовным кодексом. Но провести четкую грань между преступным и непреступным или как они предлагали именовать соответствующие явления, между уголовно-правовой и иного рода неправдой, адепты этой школы не смогли. Преступные деяния делились на три разновидности, к которым относились преступления различной тяжести, определяемые, однако, по характеру и степени назначаемых за них наказаний. Как правило, уголовная ответственность за предварительную преступную деятельность (покушение) по закону приравнивалась к совершению оконченного преступления; судам не воспрещалось смягчать в этих случаях реально назначаемое наказание. В законах появились нормы, предусматривающие наказуемость поставления в опасность (например, призывы к различного рода противогосударственным действиям, угрозы).

В числе особых заслуг представителей русской классической школы уголовного права - это *разработка понятия состава преступления*[1] как совокупности необходимых для бытия преступления слагаемых. Их перечень не изменился и по сей день.

Объектом преступления считались нормативно закрепленные интересы государства, общества и отдельных лиц. «Классиками» введено и такое поня-

---

[1] Термин состав преступления (*corpus delicti*) впервые ввел в 1581 г. Проспер Фаринауци //См.: *Бажанов М.И.* Уголовное право Украины. Общая часть. Днепропетровск, «Пороги». 1992. С. 26. Первоначально выражение corpus *delicti,* как пишет Н. Таганцев, имело процессуальное значение. В XVI и XVII вв. под ним понимали все те следы, которые оставляет преступное деяние во внешнем мире, как, например, труп убитого, орудие убийства, следы крови и т.п., т.е. вообще совокупность тех признаков, по которым бы мож но было удостовериться в действительном совершении преступления, чтобы затем перейти к специальному разысканию преступника. Позже в немецкой литературе это понятие переносится в материальное уголовное право, хотя и с проявлением его процессуального происхождения // *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Т.1. М., 1994. С.141.

тие, как негодный объект: похищение по ошибке собственной вещи вместо чужой означает, что юридически объект не годен. При такой ситуации совершенное деяние именуется мнимым преступлением; ответственность за него наступает по принципу субъективного вменения.

Преступное деяние, по мнению представителей классической школы, включает два элемент: 1) внутренние душевные процессы, образующие его субъективную сторону, и 2) проявление этих процессов в действительности, что составляет внешнюю, объективную сторону преступления.

Субъективная сторона связывается с виновностью, оттенками которой выступают умысел и неосторожность. Каждой из указанных форм вины доктрина уголовного права дает обстоятельную характеристику. Проводится различие между умыслом прямым (*dolus direktus*) и непрямым (*dolus indirektus*, а позднее *eventualis*). Выделяется умысел внезапный, но хладнокровный - *dolus repentinus,* заранее обдуманный и аффектированный - *impetus*. Неосторожная вина служит дополнением умышленной и может представлять два оттенка: 1) когда у действующего лица было сознание совершаемого, но не было хотения - преступная самонадеянность, и 2) когда отсутствовало самосознание – преступная небрежность. Известна и смешанная виновность, когда преступное событие является воплощением двух или более умыслов, двух или более неосторожностей (изнасилование женщины, приведенное в обморочное состояние побоями насилующего, учинение по неосторожности пожара дома, в котором сгорело несколько человек) или же умысла и неосторожности.

Наказуемо лишь виновное поведение. Умысел, не сопровождающийся конкретными поведенческими актами не наказуем. Обнаружение умысла как стадия развития преступного деяния «классиками» отвергается. В качестве таких стадий признаются приготовление и покушение; приготовительные действия наказуемы лишь к тяжким преступлениям.

Наказуемость соучастников преступления основывалась на *акцессорной теории:* все они следовали судьбе главного физического виновника. Отсюда,

неудавшееся подстрекательство или пособничество наказывалось лишь в случаях, когда статьи Особенной части Уложения о наказаниях предусматривали специальный состав.

В качестве субъекта преступления могло быть лишь вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, при котором возможна справедливая уголовная ответственность. Оно должно обладать способностью к вменению. При этом считалось, что учение о вменяемости составляет один из основных вопросов теории уголовного права, а не медицины. Формула невменяемости должна заключать в себе два элемента: психологический критерий и перечень условий, устраняющих вменяемость. По мере теоретической разработки этих вопросов они находили отражение в каждой из редакций Уложения о наказаниях, в том числе и проекте последней из них (1903 г.).

В рамках классической школы начало разрабатываться и понятие уменьшенной вменяемости.

Следует отметить, что трактовка отдельных уголовно-правовых проблем в трудах адептов классической школы нередко различалась весьма существенно. Это предопределялось, в первую очередь, различиями традиционных доктрин уголовного права в каждой стране, а зачастую и влиянием соответствующих общефилософских концепций на решение проблем уголовного права. Так, в германских и некоторых других государствах сказывалось воздействие учения Канта и Гегеля, предложивших свою трактовку проблем наказания. Оно не должно преследовать никаких утилитаристских целей, а служит лишь воздаянию преступнику за содеянное зло, во имя торжества абстрактной справедливости. Требуя назначения наказания в зависимости от тяжести преступления, «классики» вместе с тем нередко призывали использовать наказание для "устрашения" возможных правонарушителей (общее предупреждение") либо для того, чтобы не допустить новых преступлений со стороны осужденного (специальное предупреждение").

В конце 19 - начале 20 века в России были и сторонники *социологической школы уголовного права* (Гернет, Гогель, Духовской, Исаев, Набоков,

Полянский, Трайнин, Чубинский, Фойницкий). Она сформировалась в после дней четверти 19 в. почти одновременно с антропологической школой и была тесно с нею связана. Ведущими теоретиками социологической школы были германский криминалист Ф. Лист, бельгийский - А. Принс и голландский - Ж.Ван Гамель. К ней примыкали французские социологи и криминалисты (Г. Тард, А. Лакассань и др.).

Представителями социологической школы выпестовано учение о так называемых «факторах преступности», согласно которой преступление представляет собой результат взаимодействия трех групп факторов: индивидуальных, физических и социальных факторов. Их число измерялось десятками и они обычно трактовались как якобы равнозначные по своему воздействию на преступность, что по существу заменяло ответ на вопрос, каковы все же решающие, коренные причины преступности как социального явления. При этом, "социологи" игнорировали сложнейший процесс формирования преступного поведения, участие в нем сознания человека. Наряду с теорией факторов преступности, заметное место сторонники социологической школы отводили тезису о лицах, находящихся в "опасном состоянии". Согласно этому тезису, существуют определенные категории людей, чья личность под влиянием различных факторов оказалась в "опасном состоянии". Эти лица представляют угрозу для "безопасности общества", поэтому оно должно выявлять их до того, как они совершат преступление, и заранее "обезвреживать". В этой части «социологи» примыкали к антропологической школе, в которой на первое место выступали лица, обнаружившие наследственную предрасположенность к совершению преступлений.

Основываясь на тезисе «опасного состояния личности» большинство «социологов», как и «антропологи», требовали осуществить реформу уголовного права и процесса, построенных на принципах «классической» школы, перенести центр тяжести уголовной репрессии с «деяния» на «деятеля», считая, что отныне основания и пределы уголовной ответственности должны определяться не характером и тяжестью совершенного деяния, а тем, каково

состояние личности «настоящего» или «будущего» преступника. Предлагалось заме нить традиционную классификацию составов преступления в соответствии с уголовным законом различными классификациями преступников в зависимости либо от степени опасности личности, либо от причин, породивших ее «опасное состояние». «Социологами» отвергался принцип индивидуальной вины правонарушителя, степень которой, по их утверждению, не подлежит точному измерению, хотя закон и требует этого от суда. Для них гораздо важнее была степень "потенциальной" опасности, которую представляла собой личность преступника. Отвергая принцип вины, "социологи" предлагали отказаться и от иных традиционных институтов Общей части уголовного права: соучастия, покушения на преступление и других, и отныне не обращать внимания на различия между видами соучастников или стадиями преступной деятельности, поскольку, скажем, преступление, не удавшееся по чистой случайности, обнаруживает такую же степень "опасности" правонарушителя, что и оконченное преступление, а пособник порою оказывается значительно опаснее непосредственного исполнителя преступления.

Традиционную систему уголовных наказаний, назначаемых виновному в зависимости от тяжести совершенного им преступления, "социологи" предлагали заменить или дополнить системой "мер безопасности", имеющих целью защиту общества от преступников и учитывающих, прежде всего, степень "опасности" для общества того или иного лица. В частности, к преступникам-рецидивистам, даже совершившим незначительные преступления, они предлагали применять особые "меры безопасности", в виде продленных сроков тюремного заключения или пожизненной ссылки, чтобы гарантировать общество от новых преступных посягательств с их стороны. Исходя из степени опасности для общества, которую представляли душевнобольные или лица, находящиеся в "опасном состоянии" в силу своего образа жизни (например, бродяги), "социологи" предлагали и к ним применять соответствующие "меры безопасности".

Сторонники социологической школы отвергали "классический" принцип индивидуальной вины правонарушителя, степень которой, по их утверждению, не подлежит точному измерению, хотя закон и требует этого от суда. Для них гораздо важнее была степень "потенциальной" опасности, которую представляла собой личность преступника. Отвергая принцип вины, "социологи" предлагали отказаться и от иных традиционных институтов общей части уголовного права: соучастия, покушения на преступление и других, и отныне не обращать внимания на различия между видами соучастников или стадиями преступной деятельности, поскольку, скажем, преступление, не удавшееся по чистой случайности, обнаруживает такую же степень "опасности" правонарушителя, что и оконченное преступление, а пособник порою оказывается значительно опаснее непосредственного исполнителя преступления.

Очевидно, достаточно высокая степень зрелости уголовно-правовой на уки, ее выход на качественно новый рубеж и присутствие в ней различных направлений[1], а так же наличие к тому времени уголовного законодательства ряда стран, служили своеобразным «детонатором» в работе редакционных комиссии по подготовке проекта последнего в истории Российской империи Уголовного уложения, работа над которым, по сообщению Н.Таганцева, была завершена в 1892 г.[2].

Одна из главных забот комиссии состояла в том, чтобы уйти от казуистики Уложения 1845, давать определения преступных деяний по их существенным признакам. О том, насколько это удалось, свидетельствует объем окончательного варианта проекта: он состоял из 35 глав и 589 статей. Для

---

[1] Уместно сказать, что в специальной литературе по уголовному праву анализируемого периода, почти полностью отсутствовали не только книги, но и статьи, написанные с марксистских позиций Классовых позиций). А. А. Пионтковский упоминает лишь две такие работы: *К. Гаазе.* Классовое правосудие (М., 1907, перевод с немецкого; *М. Сурский (М. М. Исаев*). Социологическая школа в уголовном праве как защитница интересов господствующих классов; статья опубликована в 1904 г. (см. русский перевод: «Ученые записки ВИЮН, 1940, вып. I») //См.: Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. I. Уголовный закон. М., 1970. С. 34.

[2] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Т.I. СПб., 1902. С.1.

сравнения напомним, что в Уложении 1845 года было 2224, в издании 1857 года - 2304, в изданиях 1866 и 1885 годов – 1711 статей, распределенных более чем по 150 подразделениям - разделам, главам, отделениям, отдела).

Один из серьезных критиков Уложения В.В.Пржевальский, отмечал его весьма значительные технико-юридические достоинства (краткость, хорошо разработанную терминологию, широкий простор, предоставляемый суду при смягчении наказания). Вместе с тем, он считал, что «ничтожен, к сожалению, социальный прогресс, вносимый им в правосознание и жизнь народа… Проект беден идеями и лишь в очень немногом сумел возвыситься над обычною рутиною уложений… С научной точки зрение русское Уложение – явление заурядное»; оговариваясь при этом, что его «ничтожность… в значительной степени должна быть отнесена за счет причин, от редакторов нового Уложения не зависевших». Вместе с тем «всесильный дух времени коснулся его, и новейшие влиянии в науке и уголовной политике наложили на него свою печать, хотя еще весьма слабую и неясную… Представляя собой в области русского законодательства предсмертную лебединую песнь отживающей ныне классической школы в уголовном праве, он, однако, уже носит в себе некоторые зародыши более совершенного, более отвечающего потребностям современной социальной жизни права недалекого будущего»[1].

Проект осыпали похвалами и многие выдающиеся представители науки уголовного права Запада, коим он посылался на заключение. По мнению В. Пржевальского, такая оценка была вызвана тем, что «страна варваров» создала проект, «ничем не уступавший лучшим из тогдашних европейских уложений», объективности ради отмечая, что качественно новые западноевропейские кодексы – итальянский (1889), невштальский (1891), а также проекты общешвейцарского (профессора Штосса) и норвежского (проф. Гетца) ко дексов еще не были созданы или приняты[2].

---

[1] См.: *Пржевальский В.В.* Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб., 1897. С. 99-94.

[2] См.: *Пржевальский В.В.* Указ. соч. С. 1.

Вместе с объяснительной запиской в 8-ми томах и другими материала ми проект, по распоряжению Николая II от 19 апреля 1895 г., был предметом обсуждения еще в неско льких инстанциях: министерстве юстиции и других заинтересованных ведомствах, специально учрежденном для его предварительного рассмотрения Особом совещание при Государственном совете, Особом присутствие соединенных департаментов Государственно со вета (в последней из указанных инстанций, редакционную комиссию представлял один Н.Таганцев, выступавший в качестве первоприсутствующего уголовного кассационного департамента Сената). Особое присутствие признало проект Уложения «вообще удовлетворяющим современным научным и практическим требованиям»[1]. После его рассмотрения и одобрения общим собранием Государственного совета, Николай II утвердил проект 23 марта 1903 г.[2].

Как уже отмечалось, Уложение содержало 687 статей. Глава I о преступных деяниях и наказаниях вообще включала 72 статьи структурированных в восьми отделения.

Первое отделение излагало общие положения (ст.ст. 1-3) – о понятии преступления, о системе наказаний и категоризации преступных деяний. Преступление определялось как «*деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания*» (ст. 1). Налицо чисто формальное определение со всей очевидностью провозглашающее принцип «нет преступления без указания о том в законе». Новеллой, в сравнении с Уложением 1845 года, является оговорка насчет времени совершения преступления.

В статье 2 перечисляются следующие наказания, определяемые за преступные деяния: 1) смертная казнь; 2) каторга; 3) ссылка на поселение; 4; за-

---

[1] См.: Журнал высочайше учрежденного Особого совещания при Государственном совете для предварительного рассмотрения проекта Уголовного уложения. СПб., 1901; Журнал Особого присутствия Государственного совета высочайше учрежденного для обсуждения проекта Уголовного уложения. СПб., 1902. С. 8.; Журнал общего собрания Государственного совета по проекту Уголовного уложения. СПб., 1903. С.8

[2] В окончательном виде утвержденное Николаем II Уголовное уложение состояло из 37 глав и 687 статей. См.: СУ, 1903, отд. 1, № 38, Ст. 416.

ключение в исправительный дом; 5) заключение в крепости; 6) арест; 7) денежная пеня.

В зависимости от тяжести определенных законом наказаний преступные деяния делятся на три категории (ст. 3):

тяжкие преступления – деяния, наказываемые смертной казнью, каторгой или ссылкой на поселение;

преступления - деяния, наказываемые заключением в исправительном доме, крепости или тюрьме;

проступки – деяния, предусматривающие наказание в виде ареста или денежной пени.

Отнесение преступного деяния к определенной категории влекло соответствующие уголовно-правовые последствия, связанные с решением вопросов о виновности, о стадиях совершения преступных деяний, о соучастии в преступлении, об ответственности несовершеннолетних, об обстоятельствах, устраняющих наказуемость и др.

Действующий УК РФ использовав тоже основание – тяжесть наказания еще не воспринял идею выделения в самостоятельную категорию уголовных проступков.

Отделением вторым определялось пространство действия Уложения (ст. ст. 4 – 14). Не в пример современному законодателю, прописано это со скрупулезной детализацией, достойной подражания. Четко определено на кого распространяется действие Уложения – «*российских подданных, так и иностранцев, с изъятиями, в статье 5 указанными*». Изъяты из под его юрисдикции преступные деяния иностранцев, пользующихся в России правом внеземельности, а также наказуемые по законам церковным, воинскому и военно-морскому уставам о наказаниях, а также по особым положениям и узаконениям и т.п., по обычаям инородческих племен (в пределах законом, установленных). Не распространялось Уложение и на преступные деяния, учиненные в Великом княжестве Финляндском (за исключением случаев, особо в законе указанных).

В отделении третьем рассматривались вопросы о наказаниях (ст. 15-38). Регламентируется применение каждого из указанных в Законе видов наказания. Например: смертная казнь совершается через повешение, непублично (ст. 15); денежная пения, для коей законом не установлено особого назначения, обращается на устройство мест заключения (ст. 24); присуждение к заключению в исправительном доме сопровождается лишением прав состояния для дворян, священнослужителей, монашествующих и вообще лиц духо вного звания, почетных граждан и купцов (ст.25,26) и др.

Четвертое отделение регламентирует условия вменения и преступности деяния (ст. 39-47), в их числе: невменяемость (ее определение близко к сов ременному); преступное деяние, учиненное малолетним (до десяти лет), несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, который «не мог понимать свойства и значение им совершаемого ли руководить своими поступками» (ст. 40, 41). При этом лица указанной когорты могли быть привлечены к уголовной ответственности лишь за совершение тяжких преступлений и преступлений.

Весьма близок к современному перечню перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 44-47). Не являются преступными деяния, учиненные:

во исполнение закона, приказа по службе (если приказ не предписывал явно преступного);

при необходимой обороне (превышение пределов обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, особо законом указанных);

при крайней необходимости (хотя этот оборот не использовался законом) связанной с спасением собственной жизни или жизни другого лица, здоровья, свободы, целомудрия;

при негодном покушении (направленном на предмет несуществующий или очевидно негодный).

Пятое отделение - «О видах виновности» (ст. 49 - 52). Здесь дается определение форм вины – умысла и неосторожности – в основном совпадающее с действующим УК РФ. При этом тяжкие преступления наказывались лишь при наличии вины умышленной, преступлении - при наличии вины умышленной, ответственность за неосторожные преступления наступала только в случаях, особо законом указанных; проступки наказывались при наличности не только вины умышленной, но и неосторожной за исключением случаев, особо законом указанных.

Здесь же регулируются вопросы о наказуемости предварительной и совместной деятельности. Покушение на проступки ненаказуемо. Приготовление наказывается в случаях, особо законом указанных, и если притом не было остановлено по обстоятельству, от воли виновного не зависевшему (ст.50).

Дальнейшее развитие получил институт преступного сообщества (преступной организации): согласившийся принять участие в сообществе для учинения тяжкого преступления и не отказавшийся от дальнейшего соучастия, но не бывший соучастником тяжкого преступления или просто преступления отвечает только за участие в сообществе.

Участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления или в шайке, составившейся для учинения нескольких тяжких преступлений или преступлений, наказывается в случаях особо законом указанных (ст. 52).

Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения преступления против верховной власти, священно особы императора и членов правительства, наказывается смертной казнью (ст.102).

Шестое отделение – «О смягчении и замене наказаний» (ст. 53 - 59). Новеллой, по сравнению с Уложением 1845 года, явилось то, что Уголовное уложение предусматривало условие смягчения наказания или полного освобождения от него участников противозаконного сообщества. Таким условием было донесение о таком сообществе до его обнаружения.

Заканчивающие Общую часть Уложения, последние два отделения посвящены обстоятельствам, усиливающим ответственность (*шестое* – ст. 60 - 67) и обстоятельствам, устраняющим наказуемость (*седьмое* – ст. 68 - 72).

Его *Особенная часть* подразделялась на тридцать шесть глав, насчитывающих 611 статей. Гл. II (ст. 73 - 98) называлась «О нарушении ограждающих веру постановлений», гл. III (ст. 99 - 107) «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома». Из восьми статей последней главы половина предусматривали смертную казнь, в том числе и за приготовление к покушению на жизнь императора.

Гл. IV (ст.108 - 119) была посвящена государственной измене. Ее нормы в большей мере носят казуистичный характер. Например, заключением в тюрьме или в исправительном доме подлежит виновный «в снятии копии с плана, рисунка, описания, документа или в собирании или изложении на письме сведений российского укрепленного места или установленного района или эспланады оного, военного судна или иного военного сооружения, предназначенного для защиты страны, а также в получении плана рисунка, описания, документа или копии с оных» (ст. 112); гл. V (ст.120 - 137) – смуте. В ней предусматривалась строгая уголовная ответственность за политические демонстрации («публичные скопища»), за создание партий, организации и общества без соблюдения закона и другие подобные действия; глава VI (ст. 138 - 155) – неповиновению власти. Многие нормы этой главы являются прообразом норм, действующего УК РФ, отнесенных к главе о преступлениях против порядка управления; гл. VII (ст.156 - 178) - противодействию правосудия (в основном за недонесение и укрывательство).

В гл. VIII (ст. 108 - 119) определялись нарушения постановлений о воинских и земских повинностях, в гл. IX (ст. 195 - 221) формулировались преступления в сфере народно го здравия, в гл. X (ст. 222 - 239) о посягательствах на общественную и личную безопасность, в гл. XI (ст. 240 - 261) установ-

ления, ограждающие народное благосостояние, а в гл. XII (ст. 262 - 279) – ограждающих общественное спокойствие.

Гл. XIII, XIV, XV, XVI, XVII и XVIII устанавливают ответственность за деяния, связанные с нарушением постановлений: о надзоре за общественной нравственностью (ст. 280 - 289), воспитании юношества (ст. 290 - 291), о надзоре за печатью (ст. 292 – 309; в частности, ст. 305 предусматривала уголовную ответственность за оглашение в печати до судебного заседания или до прекращения дела, сведений обнаруженных дознанием или предварительным следствием[1]), за промыслами и торговлей (ст. 310 – 363), в частности ст. 311, устанавливала ответственность «хозяина завода, фабрики, ремесленного или торгового заведения заведующего ими, виновными в том, что не устроил в таком заведении приспособления, предписанного законом или обязательным постановлением для предупреждения заразы воздуха, воды или почвы» - своего рода предтеча экологического уголовного права, о нарушении постановлений о личном найме (ст. 364 - 377). Эти нормы, устанавливающие ответственность «за своего рода», т.е. за хозяйственные преступления и преступления в сфере предпринимательства (рыночное уголовное законодательство), не лишены внутреннего противоречия. В них под страхом уголовного преследования охранялись трудовые и имущественные права рабочих. Статья 364, например, устанавливала уголовное наказание за самовольное понижение заработной платы рабочим вопреки установленному в законе правилу, а ст. 362 под страхом уголовного наказания запрещала забастовки или стачки; о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения (ст. 378 – 407; большинство этих норм сформулированы бланкетным способом).

Следующие гл. – XIX, XX, XXI, XXII и XXIII определяют преступные деяния против прав семейственных (ст. 408 - 426), подделку монет, ценных

[1] Исторический опыт может быть востребован, если меть в виду возбуждение уголовного дела по статье 283 УК РФ, в связи разглашение сведений о тактике и способах проведения оперативно-разыскной работы по резонансному убийству первого заместителя

бумаг и знаков (ст. 427 - 436), подлог (ст. 437 - 452), лишения жизни (ст. 453 - 466), телесные повреждения и насилие над личностью (ст. 467 - 480) соответственно.

Гл. XXIV (ст. 481 - 488) именовались «О поединке», XXV (ст. 489 - 497) – «Об оставлении в опасности», XXVI (ст. 498 - 512) – «О преступных деяниях против личной свободы», XXVII (ст. 513 - 529) – «О непотребстве», XXVIII (ст. 530 - 540) – «Об оскорблении» и XXIX (ст. 541 - 546) – «Об оглашении тайн».

Гл. XXX (ст. 547 - 570) криминализирует деяния, связанные с повреждением имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков и иных предметов, гл. XXXI (571 - 580) - о необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием, гл. XXXII (ст. 581 - 590) – о воровстве, разбое и вымогательстве (здесь поучителен для современного законодателя подход к конструированию со ставов хищений при смягчающих обстоятельствах, например, в случае добро вольного возвращения похищенного (ст. 581), использование таких квалифицирующих признаков хищения имущества, как совершение его в ночное время (ст. 583) или с повреждением преград и запоров, препятствующих доступу в помещение, где находится похищаемое имущество; гл. XXXIII (ст. 591 - 598) - о мошенничестве, гл. XXXIV (ст. 599 - 619) - о банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу, гл. XXXV (ст. 620 – 622) – о преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретение, гл. XXXVI (623 - 635) – о самовольном пользовании чужим имуществом.

Заканчивалась Особенная часть Уголовного уложения 1903 г. главой XXXVII (ст. 637 - 687) - о преступных деяниях по службе государственной (включая преступления и сфере правосудия) и общественной. С позиции современных заслуживают быть отмеченными тщательно сформулированные

председателя Центробанка России. По каждой утечке в прессу каких-либо данных проводятся служебные проверки, но уголовное дело возбуждено впервые // РГ.2006. 27 октября.

нормы об уголовной наказуемости разнообразных проявлений бездействия и попустительства. Это касается и специальных норм о служебной коррупции (хотя законодатель этот термин не употребляет), заключающейся, например, во вступлении служащего в запрещенные ему законом по роду службы имущественные сделки, и др.

В высочайшем Указе от 22 февраля 1903 г. Правительствующему сенату об обнародовании Уложения его подготовка названа трудом первостепенной государственной важности; в нем же предписывалось «сделать надлежащие распоряжения к обнародованию и к приведению, засим, в действие в срок, который будет нами особо к тому назначен»[1].

Несмотря на высокую оценку как многими отечественными учеными и юристами-практиками, так и ведущими криминалистами зарубежных стран, Уголовное уложение, одобренное самой верховной властью, вследствие противоречивости политики царского правительства, так и не было введено в действие в полном объеме. Хотя официально верховная власть от этого никогда не отказывалась, а важнейшие с точки зрения обеспечения интересов самодержавия разделы Уложения – о государственных и религиозных преступлениях - были введены в действие очень быстро (Законом от 7 июня 1904 г.[2]). Такая противоречивость объяснялась по-разному: «небывалое возрастание тюремного населения» и не подготовленность тюремной части России к этому, дефекты в судебной системе, вызванные ликвидацией в 1889 г. подавляющего числа мировых судов, необходимость проведения реформы местного су да, закончить преобразования местной полиции и др. Заслуживает внимания и мысль о том, что в период революции и наступившей позже реак ции, в пору первой мировой войны и обнаружившейся опасности новой буржуазно-демократической революции в России правящие верхи предпочитали использовать чрезвычайное законодательство, различные «временные прави-

[1] Цит. по: Российское законодательство…Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций первой половины XIX века. С.270.

[2] В отношении этих глав должна была применяться и Общая часть Уложения. Был также введен в действие и ряд статей (около тридцати) из других глав Особенной части.

ла», внесудебную расправу, черносотенные погромы и карательные экспедиции[1]. Временное правительстве ознаменовало свой приход к власти постановлением об амнистии 6 марта 1917 г. (Февральская революция решила этот вопрос явочным путем, открыв двери тюрем политическим заключенным); 12 марта оно приняло закон об отмене смертной казни, в пору наступления реакции восстановленной на фронте.

Установление в России новой формы государственности – власти Советов на основе диктатуры пролетариата повлекло отмену прежней правовой системы. В основу новой правовой системы закладывался принцип «революционной целесообразности».

Советское социалистическое уголовное право (уголовное законодательство России в период революционных потрясений)[2]**.**

В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. в юридической науке преобладали идеи быстрого отмирания права как института эксплуататорского общества. Руководствуясь марксистскими догматами о том, что с ликвидацией прежнего базиса ликвидируется и старая надстройка, советская власть, как отмечалось, отменила все прежние законы, в т.ч.и уголовное законодательство. Поначалу законодательные акты облекались в форму обращений к населению, которые издавались Советом Народных Комиссаров (СНК), нап ример, обращения «О борьбе с буржуазией и ее агентами», «О борьбе со спекуляцией», «Об аресте вождей гражданской войны против революции», изданные в ноябре и декабре 1917 г. Впоследствии более широко

---

[1] См.: *Фецыч Г.В.* К вопросу подготовки и издания Уголовного уложения 1903 г. – Сб.: Проблемы правоведения. Вып. 41. Киев. 1980. С. 45 и сл.

[2] Здесь будут рассмотрены наиболее заметные вехи этого этапа развития российского уголовного права и законодательства. Для углубленного изучения см.: Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. I. Уголовный закон. М. 1970; Курс уголовного права. Общая часть Т.1.Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой.

использовались декреты, становившиеся директивой, инструкцией для практической деятельности[1]. Знаменательно, что в числе первых декре тов II Всероссийского съезда советов, провозгласившего советскую власть, были Декрет «О земле» и Декрет «Об отмене смертной казни» от 26 октября 1917 г.

Декрет от 24 ноября 1917 г. «О суде» № 1 позволял им руководствоваться в своей де ятельности «законами свергнутых правительств постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Последнее провозглашалось в качестве основного источника уголовного права, а это по сути дела оправдывало произвол. Применяя декреты советской власти, народные суды крайне редко обращались к законам Царской России. Ссылка на Уложение о наказаниях и Уголовное уложение или на Устав о наказаниях встречались лишь в самый первый период новой власти. Чаще это делалось в окружных судах, где среди судей были еще и старые юридические работники.

Первыми декретами и другими решениями советской власти всем воевавшим держа вам предложено заключить мир «без аннексий и контрибуций», продолжение империалистической войны признавалось «величайшим преступлением против человечества» (Декрет о мире); объявлено о переходе в «общенародную собственность» помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель (право пользование ими на уравнительной основе получали все граждане, обрабатывавшие землю своим трудом), устанавливалась уголовная ответственность за порчу конфискуемого помещичьего имущества (Декрет о земле); закрыты все оппозиционные органы печати; частные ти-

---

М., 1999; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций в 2-х т. 3-е изд. Т.1. Общая часть. М., 2005 и др.

[1] Потребность в новых законах вызвала и широкое местное правотворчество, в том числе и в сфере уголовного права. Так, в Кузнецком районе Томской губернии в январе 1918 г. были приняты «Правила о временном народном суде» и обязательное постановление Совета, в которых наряду с судоустройственными и судопроизводственными нормами, содержались и уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за двадцать правонарушений // *Герцензон А.А.* и др. История советского уголовного права. М., 1948. С. 102-105.

пографии и запасы бумаги в них переданы в собственность советской власти, установлена государственная монополия на «объявления» (т.е. на рекламу, чем независимая пресса лишена источников финансирования); национализированы частные банки; введен восьмичасовой рабочий день и установле на уголовная ответственность за нарушение этого закона; на предприятиях введен рабочий контроль над производством (установлена уголовная ответственность владельцев пре дприятий за сокрытие корреспонденции от органов рабочего контроля, а также ответственность рабочих и служащих, осуществляющих кон роль, за допущенные ими злоупотребления); образованы ревтрибуналы, избиравшиеся губернскими и городскими Советами, ревкомы (революционные комитеты), Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе саботажем, спекуляцией и контрреволюцией (ВЧК).

В период режима «военного коммунизма» важнейшим орудием власти в разоренной стране стала продовольственная диктатура, предусматривавшая изъятие у крестьян сельс кохозяйственной продукции, за исключение необходимой для пропитания семьи и семенного фонда (т.н. продразверстка). Эти акции проводили продовольственные отряды (прод отряды), наделенные чрезвычайными полномочиями в применении карательных мер.

Вводилась всеобщая трудовая повинность для граждан республики. Правительство прибегло к милитаризации труда, т.е. к принудительному закреплению значительной части рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях.

Широко применялась система заложничества, особенно для принудительного привлечения в Красную Армию бывших офицеров.

Ушедшие в подполье эсеры обратились к излюбленному способу борьбы – террору. Из антибольшевистских сил выросло белое движение. Его участники считали большевиков «агентами германского Генерального штаба», разрушившими русскую государственность, армию и лишившими Россию национальной независимости. Свою цель они видели в изгнании большевиков, восстановлении «великой, единой и неделимой России» и созыве Учре-

дительного собрания, которое должно решить все экономические, социальные, политические и национальные вопросы»[1].

В ответ на «белый террор», после убийства эсерами В. Володарского, М.С. Урицкого и покушения на жизнь В.И.Ленина (30 августа 1918 г.) репрессии на территории РСФСР приобрели массовый характер и вылились в «красный террор», унесший десятки тысяч жизней. Постановлением СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. вводились концентрационные лагеря для «изолирования» классовых врагов и учреждалась смертная казнь за прикосновенность к контрреволюционному преступлению.

После гражданской войны, ликвидации многопартийности и с переходом к НЭПу (но вой экономической политике) репрессивные действия советской власти ненадолго сократились.

Активный процесс создания разрозненных уголовно-правовых норм вскоре обусловил необходимость их систематизации и кодификации. Переход к НЭПу и первая кодифи кация российского права (1922-1925 гг.) потребовали более взвешенного подхода к праву; при этом роль права в системе социальных ценностей оценивались крайне негативно: «правовое государство» и «права человека» отрицались как буржуазные понятия.

Надо отметить, что в 1920-е годы появились научные труды, авторы которых с марксистских позиций разрабатывали основные понятия права, в частности: «Революционная роль права и государства» П.И. Стучки, 1921 г.; «Проблемы марксистской теории права» И.П. Разумовского, 1925 г.; «Право. Наше право. Чужое право. Общее право» М.А. Рейснера, 1925 г. Большой общественный резонанс имела книга Е.Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий)», 1924 г. В ней прослеживался генезис права как необходимого фактора развития товарных отношений и рыночных форм экономики. Концептуально важным выражением идеологических установок и научного уровня в этот период был ито-

[1] См.: Большая Российская энциклопедия…Т. «Россия». С. 370.

говый труд - «Энциклопедия государства и права» (т.1-3, 1925-1927 гг., под ред. П.И. Стучки).

Заметен вклад и в развитие теории уголовного права. Теоретические обобщения работы судебных органов за первые годы революционных потрясений давались в выступлениях Д.И. Курского, в статьях П.И. Стучки и Н.В. Крыленко, Я. Л. Бермана, Л.А. Саврасова и др. государственных деятелей, освещающих различные вопросы науки советского уголовного права. В это время были переизданы (с незначительными изменениями) дореволюционные учебники уголовного права С.В. Познышева, Э.Я. Немировского; вышли учебники Общей части советского уголовного права А.А. Пионтковского (1925 г.), М.М. Исаева (1925 г.). А.Н. Трайнина (1929 г.). Были опубликованы и учебники Особенной части уголовного права: в 1925 г. А.Н. Трайнина и в 1928 г. А.А. Пионтковского.

Первым обобщением судебно-трибунальной практики и уголовного законодательства за два года существования советской власти стали **Руководящие начала по уголовному праву 1919 г.**[1] Этот документ послужил прообразом Общей части будущего УК РСФСР. В нем было восемь разделов: об уголовном праве; об уголовном правосудии; о преступлении и наказании; о стадиях осуществления преступлений; о соучастии; о видах наказания; об условном осуждении; о пространстве действия уголовного права.

Во введении определялось отношение пролетариата к буржуазному праву, о содер жании и форме пролетарского права, его общих задачах, характеризовалась истории рож дения и развития социалистического права. Классовый подход пронизывал Руководящие начала насквозь. Это касалось определения права вообще и уголовного в частности. Последнее рассматривалось как «правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нару-

[1] Отметим, что они были приняты не законодательным органом, а постановлением Народного комиссариата юстиции.

шения (пре ступления) посредством репрессии (наказания) (ст.2)»[1], а в ст. 3 формулировалась задача уголовного права: «посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующих интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

Преступление определяется как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом» (ст. 5), а ст. 6 конкретизирует эту мысль: «Преступление есть действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений». Дальнейшее развитие она нашла в ст. 16: «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялось опасным для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию». Согласно ст. 7 наказания определялись как «меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)» Соответственно формулировалась и его задача - это «охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц» (ст. 8).

Статья 25 обосновывала необходимость применять на практике разнообразные виды наказаний: «В соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушения, с одной стороны, и с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника – с другой, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и личности преступника». Здесь же перечисляются «примерные» виды уголовного наказания, большая часть которых впоследствии вошла в уголовные кодексы: внушение; выражение общественного презрения; принуждение к действию, не представляющему физического воздействия (на пример, пройти известный курс лечения); объявление под бойкотом;

[1] Здесь и далее ссылки на Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. даются по: СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

исключение из объединения на время или навсегда; восстановление, а при невозможности его - возмещение причиненного ущерба; отрешение от должности; воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или иную работу; конфискация всего или части имущества; объявление врагом революции или народа; принудительные работы без помещения в места лишения свободы; лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события; объявление вне закона; расстрел; сочетание перечисленных видов наказания.

Руководящие начала не содержали специальных норм о вине, но в п. «з» ст. 12 говорилось о выяснении фактов совершения преступления «с заранее обдуманным намерением», «по легкомыслию и небрежности», влияющих на определение судом наказания.

Субъектом преступления могло быть лицо, достигшее 14-летнего возраста и действующее «с разумением (ст. 13)». Лицо, не достигшее 14-летнего возраста, а также лица 14-18 лет, «действующие без разумения», в случае совершения ими преступления могли быть подвергнуты воспитательным мерам (приспособлениям).

Уже на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции было принято решение о необходимости создания Уголовного кодекса, который установил бы «единообразие в определении наказуемости отдельных деяний, устранив пестроту в мерах наказаний, применяемых судами…»[1].

Первый **УК РСФСР 1922 г.** построен на принципах социалистического уголовного права, сохраняет классовый подход, отличается своей краткостью. Из его 218 статей, 56 - нормы Общей части, в которых были четко сформулированы все основные юридические институты, касающиеся преступления, наказания и условий его применения. В ее структуре выделялись: раздел I - пределы действия уголовного кодекса; II - общие начала применения наказания; III - определение применения наказания; IУ - роды и виды на-

[1] «Материалы НКЮ». 1921. Вып. XI – XII.

казаний и другие меры социальной защиты; V - порядок отбывания наказаний.

Правовая защита «государства трудящихся от преступных посягательств и от общественно опасных элементов… путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты» объявлялась задачей УК РФСР (ст. 5)[1].

Преступление определялось как «общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьян ской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст.6). УК устанавливал аналогию: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее близкие по важности им роду преступления, с соблюдением правил общей части сего кодекса (ст. 10)». А.А. Пионтковский объяснял это тем, что поскольку «кодекс вводился в условиях, когда существенным образом менялись формы и виды преступлений в связи с переходом к новой экономической политике. В Особенной части нельзя было предусмотреть все виды преступных деяний и тем самым обеспечить уголовно-правовую борьбу с вновь возникающими видами преступлений»[2]. Практические это означало наделение правоприменительных органов безграничными правами в части признания того или иного деяния прес тупным и наказуемым.

Хотя в УК 1922 г. еще не дается общего понятия состава преступления, основные его элементы сформулированы. Под общим объектом преступления понимались основа советского строя и установленный рабоче-крестьянской властью правопорядок. Основания уголовной ответственности определяются ст. 11, согласно которой уголовной ответственности подлежа-

---

[1] Здесь и далее ссылки на Уголовный кодекс РСФСР редакции 1922 г. даются по: СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

[2] См.: Курс советского уголовного права. В 6 т. Т.1. М., 1970. С. 86.

ли лишь те лица, которые совершили общественно опасное деяние и действовали при этом умышленно или неосторожно.

Кодекс разграничил оконченное и неоконченное преступление и дал определение приготовления и покушения.

В соучастии, по сравнению с Руководящими началами, уточнено, что наказуемость соучастников определяется степенью участия их в преступлении, выразилось ли оно в исполнительстве, подстрекательстве, пособничестве или укрывательстве. Расширена система обстоятельств, исключающих уголовную ответственность: необходимая оборона дополнена крайней необходимостью.

Система наказаний включала: изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; принудительные работы без содержания под стражей; условное осуждение; конфискация имущества (полная или частичная); штраф; поражение прав; увольнение от должности; общественное порицание; возложение обязанности загладить вред. Смертная казнь не включалась в систему наказаний. Максимальный срок лишения свободы устанавливался в 10 лет.

Штраф не мог быть заменен лишением свободы. При невозможности оплатить штраф, УК заменял его принудительными работами без содержания под стражей.

Лишение прав состояло в лишении избирательного права, права занимать ответственные должности, быть народным заседателем, защитником в суде, попечителем и опекуном.

Самое легкое наказание - общественное порицание - заключалось в публичном (на собрании, сельском сходе и т. д.) объявлении вынесенного судом осуждения данному лицу с опубликованием приговора в печати за счет осужденного или без опубликования.

Меры социальной защиты были двух видов: за деяния, не являющиеся преступлениями, и за преступления, как дополнительные наказания. К первым относилось помещение в учреждение для умственно и морально дефек-

тивных и принудительное лечение, ко вторым - воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью, а также удаление из определенного места (высылка).

Статья 49 УК вводит понятие «социально опасные элементы» как самостоятельного (не уголовно-правового) основания, помимо преступления, для их высылки.

В УК 1922 г. отсутствовала норма о добровольном отказе от преступления.

Образование СССР, ознаменованное принятием 6 июля 1923 г. Конституции СССР (утверждена 31 декабря 1924 на 2-м Съезде Советов СССР), привело к необходимости существования законодательства Союза ССР и союзных республик. В области уголовного законодательства были изданы: Основные начала уголовного законодательства Союза ССС и союзных республик 1924 года; Положение о воинских преступлениях 1924 года (принятое в новой редакции в 1927 году); Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных) и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления 1927 года.

Первый из указанных актов содержал общеобязательные нормы Общей части, т.е. положения, определяющие в общей форме преступность и наказуемость деяний. В отдель ных случаях определенные нормы носили «рамочный» характер, предоставляя союзным республикам возможность их изменения с учетом местных экономических, национальных, культурных условий. Так, примечанием к ст. 10 республиканские законодательные акты могли понижать давностные сроки, в том числе и по преступлениям, караемым лишением свободы на срок до пяти лет (этим правом воспользовалось большинство союзных респуб лик). Союзным республикам предоставляло право устанавливать и другие меры наказания, помимо перечисленных в ст. 13. Вместе с тем, Основные начала отступили от принци па (хотя и ограниченного аналогией, но провозглашенного УК РСФСР 1922 г.) осуждения лица лишь за конкретно совершенное преступление. Репрессивный характер носили предусмотренная в них возможность применения ссылки и высылки в отношении не только лиц, осужденных за совершение конкретного преступле-

ния, но и лиц, признанных общественно опасными «по связи с преступной средой в данной местности» (ст. 22). При этом Основные начала полностью отказались от термина «наказание» и заменили его термином «мера социальной защиты», восприняв в этом отношении ст. 5 УК РСФСР 1922 г.

Первым уголовным кодексом, принятым, по прошествии двух лет, в соответствие с Основными началам и другими общесоюзными законами был УК РСФСР 1926 г.[1].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. состоял из пяти разделов: I - о задачах уголовного законодательства РСФСР; II - пределы действия Уголовного кодекса; III - общие начала уголовной политики РСФСР; IV - о мерах социальной защиты; V - о порядке применения мер социальной защиты судебно-исполнительного характера. Он вводился в действие с января 1927 г.[2].

УК 1922 г. сохранил классово-социальное понятие преступления и норму об аналогии. Вместе с тем, в развитие материального признака преступления, ст. 6 имела важное примечание: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного». Это в какой-то степени ограничивало применение аналогии.

Наличие в Кодексе нормы об отношении к лицам, преступлений не совершавших, но общественно опасных по произвольным оценкам и поэтому представляющих ее (общественную опасность) по прошлой деятельности и связи с преступной средой» (ст. 7), создавало легальную основу для репрессий 30-х годов.

УК РСФСР 1926 г. установил нормы о добровольном отказе, о ненаказуемости лица, если оно или его деяние к моменту рассмотрения в суде утра-

---

[1] В 1927- 1935 гг. в союзных республиках были приняты свои, новые для того времени уголовные кодексы, которые в значительной мере повторяли УК РСФСР, хотя и мели некоторые отличия, сообразно особенностям национального и местного характера.

[2] См.: СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. Нормы УК РСФСР 1926 года с многочисленными изменениями и дополнениями действовали в течение 35 лет, до января 1961 г., когда вступил в силу УК РСФСР 1960 г.

тило общественную опасность. Однако он последовал Основным началам и опять восстановил термин «меры социальной защиты» - меры судебно-исправительного характера (бывшее наказание); меры медицинского характера; меры медико-педагогического характера. Первые применялись за преступления, вторые - к невменяемым лицам, третьи - к несовершеннолетним в случаях замены наказания этими мерами.

Были исключены условное осуждение и возложение обязанности загладить вред, как виды наказания. Введено предостережение (выносилось судом при оправдательном приговоре).

В ст. 11 говорилось о «начатом преступлении», причем не завершенном не по не зависящим от воли лица обстоятельствам, а «по каким-либо причинам». Такими причинами мог быть и добровольный отказ.

Необходимая оборона и крайняя необходимость объявлялись правомерными не только при охране интересов своих и других лиц, но и при защите советской власти и революционного правопорядка.

Получило уголовно-правовое закрепление «преступное сообщество (преступная организация)» - это «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных УК РСФСР преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, влекут за собой меры социальной защиты» (ст. 58). Ими могли быть: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства; лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях; лишение свободы в общих местах заключения и др.

УК 1926 г. включил в себя перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, учитываемых при назначении наказания.

Последующее уголовное законодательство (конца 20 - 50-х годов), по мнению Н. Ф. Кузнецовой, можно заключить в три периода: 1) уголовное законодательство в период грубейших нарушений законности (1927 - 1941 г.); 2) военное и послевоенное уголовные законодательства (1941 - 1953 гг.); 3)

уголовное законодательство периода либерализации общественных отношений (1953 - 1960 гг.).

В 1930-е гг. юридическая наука использовалась для обоснования и прикрытия внеправовых методов государственной политики. Этому способствовали труды А.Я. Вышинского, возглавлявшего, как уже указывалось, «правовой фронт». В некоторых из них выпячивалось принуждения и преуменьшалось значение воспитания и предупреждения правонарушений, особое значение придавалось признанию обвиняемого по делам о контрреволюционных заговорах и др., что на практике приводило к серьезным нарушениям законности.

После смерти В.И. Ленина обострились разногласия в высшем политическом руководстве. Будучи избран секретарем ЦК в 1922 г., Сталин постепенно установил контроль над партийным аппаратом и, опираясь на него подавил своих оппонентов. Несогласные с его политикой признавались оппозиционерами, снимались с занимаемых постов, ссылались в места «не столь отдаленные». После убийства С.М. Кирова (1934 г.) обычными мерами наказания становятся длительные сроки заключения и смертные приговоры. По некоторым данным, число репрессированных коммунистов в 30-х гг. достигло 1,3 млн. человек (из 3 млн. членов и кандидатов в 1934 г.).

Помимо внутрипартийных «чисток», для укрепления новой государственной власти в 20-30-х гг. развернуты массовые репрессии против различных категорий населения; своего пика они достигли к 1937 г.[1].

---

[1] По различным оценкам, главным образом в ходе коллективизации (1928 -1933 гг.), репрессировано от 250 тыс. до 1 млн. крестьянских семей; сильно пострадало духовенство – многие священники Арес тованы и погибли в лагерях; репрессиям подверглись научно-технические, хозяйственные кадры («Шахтинское дело», дело «Промпартии»), интеллигенция («Академическое дело», «Дело славистов» и др.); серьёзный удар нанесен по военным кадрам (в 1929-31гг. репрессировано свыше 3 тыс. бывших офицеров, в т. ч. крупные военные специалисты). Волна репрессий 1936-38 гг. затронула партийные, государственные(дело так называемого «Московского центра», «Кремлевское дело»), но особенно военные кадры (было репрессировано около 40 тыс. офицеров). В эти годы обвинения предъявлялись преимущественно по одному из пун ктов ст. 58 УК (контрреволюционная деятельность), что влекло за собой смертные приговоры. Многие из приговоренных в 30-х гг. к длительным срокам заключения были расстреляны без суда в 1941 г. // *см.:* Большая Российская энциклопедия…Т. «Россия». С. 378.

Уголовное законодательство первого из указанных трех периодов наиболее репрессивное из всех правовых средств. С конца 20-х годов начался демонтаж уголовного права, выразившийся в отступлении от принципа личной ответственности виновного и расширении оснований и пределов уголовной ответственности, «отбросившим принципы законности, гуманизма и справедливости в средневековую бездну» (Н. Ф. Кузнецова).

Типичная бесхозяйственность («Шахтинское дело») произвольно превращалась в контрреволюционные преступления.

В сельском хозяйстве для борьбы с кулаками (понятие, не получившее какого-либо нормативного закрепления) применялись статьи УК об уклонении от уплаты налогов, ростовщичестве, нарушении правил о трудовом законодательстве, нормы о контр революционных преступлениях.

Акцент в уголовном законодательстве рассматриваемого периода делался на «опасную личность», не совершившую конкретное преступление. Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел СССР» 1934 года была предусмотрена возможность применения в отношении лиц, признанных общественно опасными, заключения в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет.

В соответствии со ст. 58-1в, включенной в УК РСФСР в 1934 году, несовершеннолетние члены семьи осужденного за измену Родине (так называемые ЧСИР), совместно с ними проживавшие к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

Большой репрессивностью санкций в сочетании с расплывчатостью диспозиций, гра ничащей с юридической безграмотностью, отличался Закон от 7 августа 1932 г. «Об охра не имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении государственной (социалистической) собственности». Колхозная собственность путем законодательной аналогии приравнивалась к государственной собственности. За хищение такого имущества суд мог приговорить к расстрелу, а за умышленное убийство - только

к 10 годам лишения свободы. По этому закону привлекали к ответственности за сбор колосков, оставшихся после уборки хлеба (так называемые «колосковые дела»). По постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» за ряд преступлений, в т. ч. за кражу, насильственные преступления и убийства, уголовная ответственность устанавливалась с 12-летнего возраста, следовательно, на них распространялись все меры уголовного наказания, включая и смертную казнь, предусмотренную указанным Законом[1].

Постановлением ЦИК и СНК от 8 августа 1936 г. лишение свободы отбывалось в исправительно-трудовых лагерях двух режимов. Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937г. был повышен максимум лишения свободы с десяти до 25 лет; через два года; отменено условно-досрочное освобождение заключенных от дальнейшего отбывания наказания.

С принятием новой Конституции СССР (1936 г.), законодательство об ответственности за преступления передается в исключительное ведение СССР. Союзные республики лишались права на собственные уголовные законодательства на своей территории. В 1938 г. принимается Закон о судоустройстве; отменяется ст. 22 Основных начал, вводившая ссылку и высылку лиц, не совершивших преступлений либо оправданных за них.

Уголовное законодательство 1941 – 1945 гг. – типичное законодательство чрезвычайного военного времени, имеющее временный характер, ориентированное на мобилизацию всех ресурсов и средств страны для военных нужд, обеспечения победы в Великой Отечественной войне. Устанавливалась уголовная ответственность за распространение панических слухов; уход с военных предприятий приравнивался к дезертирству и сурово карался - до восьми лет лишения свободы; опоздание на работу влекло серьезные административные санкции и т. д.

---

[1] Ужесточение карательной политики отразилось на показателях судимости: если в 1937 г. коэффи циент судимости (в расчете на 100 тыс. населения) в СССР составлял 469 человек, то в 1939 г. он поднялся до 859 человек //Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000.

Надо отметить, что в эти годы советские юристы (А.Н. Трайнин) разработали принципы уголовной ответственности военных преступников, которые использовались на Нюрнбергском и Токийском процессах.

Уголовное законодательство послевоенного периода, вплоть до смерти Сталина, неоднородно. С одной стороны, оно ужесточалось - Указом Президиума Верховного Совета СССР 1947 г. «Об усилении уголовной ответственности за посягательства на государственную, общественную и личную собственность» устанавливалось наказание до 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества. С другой - в ознаменование Победы появились Указы ПВС СССР об амнистии, об отмене смертной казни (третий раз в истории Советского государства)[1]; смертная казнь заменялась лишением свободы на срок до 25 лет.

12 марта 1951 г. принимается Закон, положивший начало международному уголовному законодательству в СССР – Закон защите мира. Он устанавливал уголовную ответственность за пропаганду войны, в какой бы форме она не велась.

В 1950-60-е гг. стимулом для существенной активизации науки уголовного права стала новая кодификация уголовного законодательства. В этот период активно велась разработка проблем эффективности правового регулирования, правового положения личности, законности. Значительный вклад в развитие теории и истории уголовного права внесли такие ученые, как М.Н. Гернет, А.А. Пионтковский и др. Вернулось в систему юридических дисциплин сравнительное правоведение.

Начало этого этапа развитая уголовного законодательства ознаменовал Указ ПВС СССР «Об амнистии», принятый в марте 1953 г; последующие 11 лет вошли в историю как время хрущевской «оттепели», относительной либерализации во внутренней и внешней политике СССР. В начале 1955 г. в лагерях и колониях содержалось 309 тыс. политических заключенных, к ап-

релю 1959 г. - 11 тыс.; число осужденных сократилось по сравнению с 1953 г. более чем в 2 раза - до 948 тыс. человек, что было связано также со смягчением наказаний по уголовным преступлениям. В конце 1950-х гг. Ликвидирован ГУЛАГ[2].

После разоблачения культа личности Сталина (1956 г.) наступает известная демократизация уголовного законодательства.

25 декабря 1958 г. принимаются **Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик**[1]. Они внесли много нового, прогрессивного, ознаменовав собой крупный шаг по пути укрепления законности, отказа от самого тяжкого наследия сталинизма в этой сфере. В частности, Основы определяют основания уголовной ответственности (ст. 3): уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, и что уголовное наказание применяется только по приговору суда. Здесь характеристика преступления как общественно опасного деяния (материальный признак), дополняется правовой - предусмотренностью деяния уголовным за коном (формальный признак). Не менее важным является и указание на принцип: применение уголовного наказания только по приговору суда, что исключает применение мер уголовной репрессии какими-либо иными органами («тройками», «особыми совещаниями» и др.), кроме суда.

Основы исключили норму о применении уголовного закона по аналогии. Юридически более совершенными стали формулировки норм о соучастии, формах вины, невменя емости, необходимой обороне, крайней необходимости. Были исключены наказания: лише ние прав в виде изгнания из пределов СССР, объявление врагом народа, поражение прав; смертная казнь, ссылка, высылка не применялись к несовершеннолетним и беременным женщинам,

---

[1] С предложением об отмене смертной казни во всем мире СССР обратился к представителям государств-членов ООН, которое не было принято. По настоянию граждан в 1950 г. смертная казнь была восстановлена за измену Родине, шпионаж и диверсию.

[2] См.: Большая Российская энциклопедия…Т. «Россия». С. 390.

совершившим преступления. Ссылка и высылка также не применялась к совершившим преступление женщинам, на иждивении которых находились дети в возрасте до восьми лет; конфискация имущества могла быть назначена только за государственные и тяжкие корыстные преступления в случаях указанных в законе; значительно сокращались давностные сроки, по и течении которых совершивших преступления лица не привлекаются к ответственности, а обвинительный приговор не приводится в исполнение.

Одновременно с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик были приняты законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления и другие законы. Все они были введенные в действие с 6 января 1959 г.

В 1959 - 1961 гг., во исполнение Основ, всеми союзными республиками были приняты собственные уголовные кодексы, которые во многом воспроизводили первые, а в ряде случаев детализировали и развивали их. Последний - третий по счету, УК РСФСР советского периода был принят 27 октября 1960 г. и введен в действие с 1 января 1961 г.[2]. Сопровождаемый в основном «точечным» изменениям и дополнениям, он действовал до 1 января 1997 г. (с этого времени вступил в действие УК РФ 1996 г.).

УК РСФСР 1960 года выгодно отличается от своих предшественников советского периода. В нем развиваются принципы демократизма и гуманизма, хотя ряд норм противоречили Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. и Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.[3].

---

[1] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

[2] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

[3] Это касается ст. 70 – об ответственности за антисоветскую пропаганду и агитацию, ст. 142 – о нарушении законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, ст. 198 – о нарушении правил паспортной системы, ст. 209 – о занятии бродяжничеством или попрошайничеством либо ведении иного па разитического образа жизни, ст. 153 – о частнопредпринимательской деятельности и коммерческом посредничестве и др. статей, ограничивающих права и свободы граждан (см.: *Наумов А.В.* Уголовный закон и пра ва человека //Советское государство и право. 1990. № 1. С. 52-59; *его же,* Российское уголовное право. Курс лекций в 2-т. Т.1. Общая часть. М., 2005. С. 113 - 115). С позиций сегодняшних, УК РСФСР 1960 г. легко критиковать. Соглашаясь с такой оценкой, вместе

УК РСФСР 1960 г., в частности, предусматривал норму об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших малозначительные преступления или преступления, не представляющие большой общественной опасности, с передачей их в товарищеские суды или на поруки в трудовые коллективы.

В 1977 г. он пополнился новыми институтами: условное осуждение с обязательным привлечением к труду (ст. 44-2), отсрочки исполнения приговора (ст. 46-1), условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 53-2).

В 1981 г. расширяется система освобождения от уголовной ответственности и наказания: освобождение в результате утраты лицом или деянием общественной опасности (ст. 50); освобождение с привлечением к административной ответственности (ст. 50-1); освобождение с передачей дела в товарищеский суд (с. 51); освобождение несовершеннолетнего с передачей дела в комиссию по делам несовершеннолетних (ч. 4 ст. 10); освобождение лица с передачей его на поруки трудовому коллективу (ст. 52).

Уголовное законодательство СССР и России в период демократических преобразований в обществе (перестройки 1985-1991гг.), хотя и оставалось прежним, активно приводилось в соответствие с новыми веяниями, потребностями борьбы с преступностью, которая все более ужесточалась, вооружалась, приобретала транснациональный характер. Новое мышление с приоритетом в нем общечеловеческих ценностей над государственно-национальны ми и узкоклассовыми означало для уголовного права уточнение его социального содержания, а также его гармонизацию с международными стандартами в области прав и свобод человека[1].

с тем, думается, что для своего времени, если иметь в виду аксиому, что законы сами по себе не господствуют и не правят, эти нормы - продукт того времени - отражение той жизнедеятельности: состояния государственности, его экономической, социальной, политико-правовой культуры и т.д.

[1] См.: *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

Уже в начале 80-гг. разрабатывается теоретическая модель Уголовного кодекса (Общая часть)[1].

Активизировалась работа по реабилитации необоснованно осужденных лиц в период 30-40-х и 50-х гг. Признаны незаконными репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и другим мотивам в 20-50-е гг. Отменены незаконные акты против народов, подвергшихся переселению из родных мест; признаны незаконными решения всех внесудебных органов ОГПУ-НКВД-МГБ в 30-50-х гг. по политическим делам[2].

В целях поднятия авторитета судебной власти, ее независимости в системе разделения властей в ноябре 1989 г. принят Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду», устанавливающий и уголовную ответственность за вмешательство в разрешение судебных дел, за угрозу по отношению к судье или народному заседателю и за их оскорбление.

В 1989 г. отменена уголовная ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70 УК РСФСР), исключена и статья об уголовной ответственности за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, а также за публичные призывы к свержению или изменению советского государственного и общественного строя (ст. 190.1 УК РСФСР). Наказуемым был лишь публичный призыв к насильственному свержению или изменению указанного строя (ст. 7 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления).

С 1987 г. начинается разработка проекта новых Основ. Принятые 2 июля 1991 г. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик сумели отразить многие прогрессивные моменты, свидетельствовавшие о том,

---

[1] Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987.

[2] См.: *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

что общество постепенно стало развиваться в направлении мировой цивилизации[1].

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик значительно предопредели последующие изменения УК РСФСР. «Они отражали мировые принципы уголовного законотворчества и традиции российского, в том числе советского права. Они-то на 90% вошли в содержание Общей части УК РФ»[2].

Основы усиливали индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, их справедливость. Все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделялись на теже, что и в действующем УК РФ четыре категории и влекли указанные в нем соответствующие уголовно-правовые последствия. И многие другие новеллы Основ нашли отражение в УК РФ: об ограниченной вменяемости, обоснованном профессиональном и хозяйственном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, расширен перечень наказаний, не связанных с лишением свободы и т. д.

В постсоветский период юридическая наука оказалась особенно востребованной и играла немаловажную роль в создании правовых основ новой экономической системы и юридическом закреплении принципов правового государства, охраны прав и свобод его граждан. С 1992 г. началась интенсивная работа по созданию нового уголовного кодекса, который отражал бы изменения в политической и социально-экономической жизни нашего общества, решительный поворот к признанию уголовно-правовой охраны прав и свобод человека основной задачей уголовного законодательства и учитывал

---

[1] Автору этой главы довелось быть в группе по разработке и подготовке к первому и последующим чтениям Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Их вступление в силу предусматривалось с 1 июля 1992 г.; этого не случилось вследствие распада СССР и образования СНГ.

[2] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Конституционные основы совершенствования УК РФ по итогам его десятилетия //Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: ТК Велби, 2006. С. 317.

бы требования экономической и правовой реформ и особенности перехода к рыночной экономике.

В это время были отменены уголовно-правовые нормы, грубо нарушавшие права и свободы человека, содержащиеся, например, в ст.ст. 142, 198, 209, 227 УК РСФСР 1960 года. В развитие гуманистических начал уголовного права отменяется смертная за ряд преступлений - нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, за получение взятки при особо отягчающих обстоятельствах, а затем она была отменена в отношении женщин, а также мужчин старше 65 лет.

Многие изменения УК РСФСР фундированы Конституцией РФ 1993 г.: в первую очередь установлены единые пределы ответственности за преступления против собственности независимо от ее формы, уточнены понятия уголовно наказуемой контрабанды, а также нормы об ответственности за другие таможенные преступления; об ответственности за частное предпринимательство и коммерческое посредничество, выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, спекуляцию. Вместе с тем в него были включены нормы, направленные на охрану рыночных отношений: об уголовной ответственности за уклонение от подачи декларации о доходах, за сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения, за нарушение антимонопольного законодательства за противодействие или неисполнение требований налоговой службы в целях сокрытия доходов (прибыли или неуплаты налогов, незаконное предпринимательство, незаконное предпринимательство в сфере торговли и др.)

Разработчики проекта УК РФ, среди которых были известные ученые-криминалисты, стремились учесть не только все то новое, что имело место в жизни нашего общества, но и учесть не только нормотворческий, но и судебный опыт, а также законодательный опыт ведущих государств Европы. К тому времени были приняты новые уголовные кодексы во Франции и Герма-

нии. Среди разработчиков развернулся мощный мировоззренческий дискурс вокруг концепции Кодекса. Одни выступали за его полную «десоветизацию», другие за сохранение и совершенствование всего ценного, что накопилось в предшествующих Кодексах[1].

Проект УК РФ получил высшую оценку ведущих криминалистов западных стран. Новый УК РФ был принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. и подписан Президентом РФ 13 июня 1996 г. Как уже отмечалось, УК РФ введен в действие с 1 января 1997 г.

Резюмируя, отметим: настоящий Кодекс шестой после Уголовного уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., Уложения 1903 г., УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. (не считая союзного уголовного законодательства 1924, 1958 и 1991 гг.). Его пронизывает идея не классового подхода, а защиты важнейших общечеловеческих ценностей, закрепленных Конституцией РФ 1993 г.; в нем впервые закреплены принципы уголовного права и раскрыто их содержание. Он отличается и рядом иных преимуществ, по сравнению со своими предшественниками[2].

Однако, если иметь ввиду, что в пору его принятия еще не в полной мере установились продекларированные Конституцией институты и механизмы их реализации (свидетельством чему являются перманентные реформы практически во всех сферах государственной и общественной жизни, в т.ч. правовой), рассчитывать на его целомудрие не приходится[3]. Как свидетельствует история, процесс развития уголовного законодательства непрерывен и непреходящ, как и сама жизнь. Возможна подготовка новой редакции УК РФ на

---

[1] См.: *Кузнецова Н.Ф.* К истории Уголовных кодексов Российской Федерации //Вестник Моск. ун-та. Серю11. Право.- 1995. - № 2.

[2] УК РФ впервые дал четкую категоризацию преступлений, более определенно формулируется умысел и неосторожность как форм вины, имеются нормы о преступлениях с двумя формами вины и об отсутствии ответственности при невиновном причинении вреда, расширен круг обстоятельств, исключающих преступность деяния, содержатся более конкретные нормы о формах и видах соучастия и т.д.

[3] Еще до вступления УК РФ в силу раздавались голоса о его несостоятельности, необходимости подготовки совершенно нового Закона. Более полутысячи изменений и дополнений за прошедшие годы внесенных в него не улучшили его.

основе проведения глубокой ревизии уголовного закона[1]. Залог стабильности уголовного закона, гармонии с общепризнанными принципами и нормами международного права, фундирован как реальным соответствием идеям демократического, правового, социального государства, закрепленных в Конституции РФ, экономическими преобразованиями, политическим климатом в стране, так и повышением уровня правовой культуры и, в немалой степени, умением самих граждан пользоваться своими правами.

Литература

Основная: *Архипов И.В.* Систематизация уголовного законодательства России в 30-70 гг. XIX в. /Под ред. Ю. М. Понихидина. Саратов: СГУ, 1997; *Детков М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999; *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000; *Кузнецова Н.Ф.* К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации //Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1995. № 2; *Наумов А.В.* История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г. // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 5; *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. М.: Юристъ, 1995; *Решетников Ф.М.* Уголовный кодекс РФ в сопоставлении с уголовным законодательством стран Запада // Журнал российского права. 1998. № 2; *Ястребов А.В.* История уголовного права России (1917-1993). М., 1997.

Дополнительная: Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999 г. (Т. I. Античный мир и Восточные цивилизации; Т.V. Россия конец XIX-XX в.); *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях /Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004; *Кузнецова Н.Ф.* Вопросы истории советского уголовного законодательства (Общая часть) //Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1991. № 6; *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004; *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. М., 1999; *Прясняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993; Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М., 1984-1994 гг.; *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003; Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. статья *Ю.В. Голика.*- СПб., 2004; *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998; Сборник документов по истории уголовного зако-

[1] За это ратовали и участники I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации.

нодательства СССР и РСФСР (1953-1991) / Сост.: *Н.С. Захаров, В.П. Малков.* Казань, 1993;